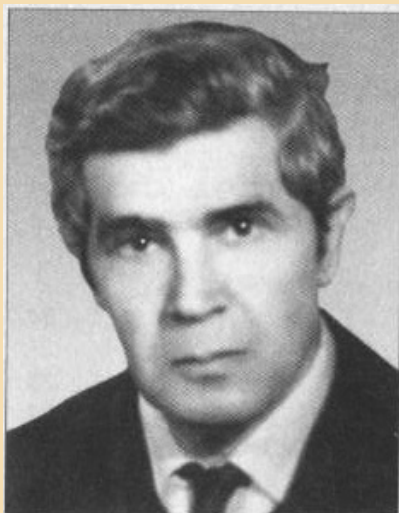

СИОНИЗМ ОТ ТЕОДОРА ГЕРЦЛЯ ДО ЛОРДА РОТШИЛЬДА И АРМЯНСКИЙ ВОПРОС

Арутюн Саркисян (1913-1993)

Арутюн Нерсесович Саркисян (1913-1993). В 1940 году окончил Государственный институт журналистики в г. Ленинграде. С первых дней Отечественной войны — в действующих частях. В критические дни обороны Ленинграда находился в частях Кингисеппской группы войск. Провел 900 дней блокады в различных воинских частях. В годы войны занимал должность ответственного редактора фронтовых газет. Был ветераном и инвалидом Отечественной войны. Кавалер 8 орденов и медалей. После демобилизации из армии в 1955 году работал в Госиздате Армении, в Министерстве высшего и среднего специального образования. Перед уходом на пенсию, с 1975 по 1981 г., работал ученым секретарем Армпединститута им. Х. Абовяна. Автор ряда книг и нескольких десятков статей в научных журналах и в периодической печати.

[ПОЧТИ БИБЛЕЙСКОЕ ЧУДО](#) (вместо предисловия]

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НА ПУТИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ СИОНИЗМУ

[1. ТРИ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОМ "БОЛЬШОМ МИРЕ"](#)

[2. ДЕРЗКИЙ ПЛАН](#)

[3. РАЗНОГЛАСИЯ ПО ВОПРОСАМ ТАКТИКИ](#)

4. ПЕРВЫЙ КОНГРЕСС И "МИРОВАЯ ПОЛИТИКА" СИОНИЗМА

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВОСТОЧНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ СИОНИЗМА И АРМЯНСКИЙ ВОПРОС

1. ЧТО ТАКОЕ СУВЕРЕНИТЕТ?

2. ПЕРВАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

3. ПЕРЕГОВОРЫ ГЕРЦЛЯ С ТУРЕЦКИМ СУЛТАНОМ

4. АРМЯНСКИЙ ЖУРНАЛ "МУРЧ" ("МОЛОТ") О СИОНИЗМЕ

5. ЧЕРТЕР И КОНЦЕССИЯ

6. СИОНИЗМ И ПАРТИЯ "ЕДИНЕНИЕ И ПРОГРЕСС"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ У АРМЯН И СИОНИСТОВ

1. ПЛАН САЙКСА-ПИКО

2. ПРОГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА

3. ТРАНСФОРМАЦИЯ СИОНИСТСКОЙ СТРАТЕГИИ

4. БИТВА ЗА СИОНИЗМ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БАЛЬФУРСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ И ЗАГАДКИ БРЕСТ-ЛИТОВСКА

1. ДОЛГОЖДАННОЕ СОГЛАШЕНИЕ

2. ПЕРЕГОВОРЫ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ

3. ТОРГ ЗА КУЛИСАМИ

4. ТРОЦКИЙ И ФОН КЮЛЬМАН

5. ТРОЦКИЙ И ТАЛААТ-ПАША

6. ПОСЛЕДНИЙ АКТ

7. ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА ТРОЦКОГО

ГЛАВА ПЯТАЯ

НА ПУТИ К ЗАВЕТНОЙ ЦЕЛИ

- [1. АКТИВИЗАЦИЯ СИОНИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ](#)
- [2. СТРАТЕГИЯ ПОДСТАВНЫХ ЛИЦ](#)
- [3. ПРОПАГАНДА В ПОЛЬЗУ ДЕРЖАВ СОГЛАСИЯ](#)
- [4. ПРОТУРЕЦКАЯ ПРОПАГАНДА](#)
- [5. БОРЬБА ПРОТИВ БРЕСТСКОГО СОГЛАШЕНИЯ](#)
- [6. МЕТОДЫ ТАКТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ](#)
- [7. ОБСУЖДЕНИЕ АРМЯНСКОГО И ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСОВ НА КОНФЕРЕНЦИЯХ В ЛОНДОНЕ, ВЕРСАЛЕ И САН-РЕМО](#)

ПОЧТИ БИБЛЕЙСКОЕ ЧУДО

Вместо предисловия

XIX век стал веком национального возрождения многих народов мира, и в частности — угнетенных народов Османской империи. Так появилась балканская проблема, а затем Армянский вопрос, получивший официальное дипломатическое признание на Берлинском конгрессе (1878). Именно в это время среди евреев, разбросанных по всему свету, также возникло движение за приобретение отечества. Выразителем стремлений еврейского "большого мира" стал австрийский журналист Теодор Герцль.

В 1887 г. образовалась армянская партия Гнчак, в 1890-м была основана партия Дашнакцутюн, а спустя семь лет Теодор Герцль созвал первый сионистский конгресс. Возникли две политические организации, ставившие во главу угла решение своих национальных проблем. Османская империя стала эпицентром их деятельности. При этом лидеры еврейского национального движения открыто ставили вопрос о создании собственного государства в виде "правоохраняемого убежища", а армяне преследовали более скромную цель: в рамках единой Османской империи получить автономию и на основе 61-й статьи Берлинского конгресса обеспечить жизнь, честь и имущество армян.

Евреи не имели в Турции национальной базы. В Палестине практически не было еврейского населения.

Армяне имели — здесь проживал трехмиллионный народ.

Казалось, одни не располагали никакими шансами на успех, другие — более чем достаточными. Таким был старт, а каков финал?

На деле невозможное стало возможным, а возможное — более чем невозможным: трагическим. За период от Теодора Герцля до лорда Ротшильда сионисты заложили прочный фундамент еврейского государства на Ближнем Востоке. За тот же срок в Турции по существу не осталось армянского населения: большинство было перебито, а часть чудом спаслась и вынуждена была искать пристанище вне пределов своего исторического отечества.

Осип Мандельштам назвал землю армянскую "младшей сестрой земли иудейской". Да, у этих двух народов во многом сходная судьба. Одних преследовали и убивали за то, что не христиане, других за то, что христиане. Но тактические приемы и стратегия борьбы первых за осуществление своих национальных идеалов в практическом, теоретическом, политическом и дипломатическом планах резко отличались от тех, которыми пользовались лидеры армянского движения (кстати, лидеры сионизма изучали методы армян и знали историю Армении).

В изгнании евреи сотворили первое чудо — сохранили свою индивидуальность, свое национальное лицо, проявив духовную стойкость, единство и уверенность в наступлении того дня, когда вновь вернутся на землю предков. И первое чудо породило второе: этот день наступил — они почти через две тысячи лет приобрели отечество. История народов мира не знает другого такого примера. В 1948 г. официально было провозглашено государство Израиль. И его подданные явили очередное чудо: за короткий исторический срок создали современную развитую промышленность, сельское хозяйство, вооруженные силы, способные вести уникальные оборонительные и наступательные операции. Одновременно шло "собрание камней" — в 1990 г. в стране насчитывалось уже около пяти миллионов населения.

В итоге одно национальное движение завершилось успехом, другое — поражением. У армян продолжался процесс "разбрасывания камней", начавшийся после турецкого геноцида 1915 г. и разгрома республики Армения, осуществленного объединенными силами кемалистов и большевиков.

Изучение истории еврейского народа, его национального движения, деятельности основанного Т. Герцлем "Союза евреев", в особенности в мире высокой политики, безусловно поможет при разгадке и оценке ошибок и неудач армянского национально-освободительного движения того же периода и, наконец, причин поражения республики Армения в 1920 году. Именно в "Союзе евреев" были объединены финансовый, политический, дипломатический и идеологический "миры". В распоряжении этого общества, как утверждал Т. Герцль, находились все средства для выполнения целей и задач мирового сионизма "на почве здравого смысла и в пределах практической политики".

Мы все еще слишком мало знаем о практической работе его политического и дипломатического "миров". Это, пожалуй, следует объяснить тем, что лидеры этих "миров" действовали тайно, зачастую не оставляя документальных следов о принятых ими решениях, а если и оставляли, то за семью печатями. Только Ллойд Джордж позволил себе накануне второй мировой войны по тактическим соображениям несколько приоткрыть завесу над этой деятельностью двух миров сионистского общества. Что же касается сионистских деятелей, то они даже на своих подпольных собраниях при принятии решений в протоколах лаконично записывали: "не подлежит оглашению".

[начало](#)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НА ПУТИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ СИОНИЗМУ

1. ТРИ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОМ "БОЛЬШОМ МИРЕ"

С победой "третьего сословия" в ведущих странах Западной Европы богатые и высшие слои еврейства заняли там ряд ключевых позиций. В еврейской литературе появились новые выражения: "еврейский финансовый мир", "еврейский дипломатический мир", "еврейский политический мир" и т.п. Эти "миры" характеризовали новое состояние вещей, новую расстановку сил, указывали на свое уже вышедшее за

пределы одной какой-либо страны и приобретающее международный, как бы всеобщий характер влияние. Тогда же в высших еврейских сферах последовательно возникло три течения: космополитическое, филантропическое и религиозно-национальное.

В первое входили деятели различных еврейских "миров", руководствовавшиеся "общечеловеческими" мотивами и мыслившие категориями большой политики. Теодор Герцль так определил их кредо: они "... стремятся просветить все человечество библейскими идеалами любви и справедливости настолько, чтобы оно стало терпимым к евреям". [Теодор Герцль. Сб-к. Изд-во "Кадима", Петроград, 1918, с. 169.] Люди этого направления имели самые разные профессии и придерживались самого различного мировоззрения и политического курса. Сюда входили "творец английского империализма" Д. Израели, социалист Лассаль, который стремился стать вождем немецких рабочих, "рожденные быть президентами" Симеоны и многие другие. Однако большинство их придерживалось космополитических взглядов и ратовало за ассимиляцию евреев в странах их проживания не столько по внутреннему убеждению, сколько по соображениям тактики. Именно эти круги породили в первой половине XIX века второе течение — филантропическое.

Как известно, в колониальной торговле Англии, Голландии и других стран активное участие принимали еврейские финансисты. В их среде зародилась идея: средствами колониальной политики завоевать Палестину, создавая там национальную базу.

С этой целью в 1840 г. высокопоставленный английский деятель и видное лицо в "еврейском финансовом мире" Мозес Монтефьоре предпринял путешествие по Ближнему Востоку. Было известно, что после крестовых походов в Палестине евреев практически не осталось. Правда, позже они туда возвращались. Сколько их, каково их положение? Перед Монтефьоре открылась весьма неутешительная картина. Евреев на "святой земле" было не более десяти тысяч — преимущественно старики и нищие, исполненные религиозного пыла.

Здание национального очага предстояло сооружать не только на голом месте, но и в неблагоприятных условиях. Как раз тогда евреи Дамаска обвинялись в убийстве одного францисканца якобы с целью употребления его крови для своих религиозных обрядов. "Первый еврейский филантроп" свою миссию начал с того, что совершил поездку в Дамаск, Александрию, Константинополь. Он добился полного оправдания

обвиняемых. Султанский фирман даже запрещал в дальнейшем возбуждать подобного рода обвинения. У султана Марокко М. Монтефьоре добился также эдикта в пользу евреев, вел переговоры с вице-королем Египта о приобретении для них собственной территории. Прибыв в Лондон, он представил лорду Пальмерстону проект организации в Палестине еврейских сельскохозяйственных поселений и стал финансировать строительство там ремесленных училищ и школ.

Первые успехи воодушевили других. Барон Эдмонд Ротшильд основал самую крупную в то время сельскохозяйственную колонию в Палестине, а также религиозные школы, приюты, бесплатные столовые и т.п., создал Ассоциацию еврейских колонистов в Палестине с целью покупки земель для устройства коллективных поселений.

Был основан Национальный еврейский фонд для сбора средств среди евреев диаспоры, а также Фонд реконструкции, действовавший в основном с помощью подписки и займов.

Филантропы развили бурную политическую деятельность. Возникали многочисленные организации и комитеты, рассматривающие различные проекты создания национального очага то в Палестине, то в Новом свете, а то и в Африке. Крупный баварский банкир Мориц Гирш выдвинул план колонизации Аргентины и пустил в оборот сотни миллионов для реализации своего проекта.

В 80-х годах XIX века во многих странах появились кружки и комитеты "Любителей Сиона". Движение, которое называлось тогда "палестинофильским", добилось того, что в эту страну стали прибывать все новые организованные отряды еврейских переселенцев. Их количество постепенно увеличивалось — настолько, что вызвало беспокойство местного арабского населения. Было озабочено и турецкое правительство, которое в 1893 году издало закон, запрещающий дальнейший въезд в страну русских евреев. Тогда филантропы-сионисты -будущие организаторы политического сионизма, вырабатывают программу по преодолению этой турецкой плотины на пути еврейского иммигрантского потока. Эта программа была нацелена на укрепление и усиление так называемой еврейской политики восточной ориентации. В этом особое усердие проявлял французский комитет "Будущность Израиля", наиболее влиятельный среди других. Члены этого комитета были выходцами из России, а также студентами, приехавшими из Турции, Болгарии,

Румынии, Египта, Алжира и Туниса.

Как пишет один из руководителей этого комитета И. Бух-милль, в комитете обсуждался вопрос "о финансовой стороне колонизации Палестины и о политических шансах добиться от турецкого правительства права на широкую колонизацию Палестины". Под выражением "политические шансы" он имеет в виду проходившую тогда войну между Грецией и Турцией из-за острова Крит. Далее И. Бухмилль продолжает: "В связи с финансовыми затруднениями оттоманского правительства возникли всевозможные планы и надежды". ["Сафрут", книга 2, М., 1918, с. 73.] Следует отметить, что этот комитет выступал против плана Гирша о колонизации Аргентины и любых других стран, кроме Палестины. По решению комитета, Владимир Розенштейн и Ишуя Бухмилль организовали турне по многим странам с целью добиться согласия палестинофильских кружков и комитетов организовать в России массовое петиционное движение и пропаганду идеи финансового воздействия на Порту для получения права на колонизацию Палестины. ["Сафрут", книга 1, с. 74.] Но из этого мало что получилось.

Филантропы усилиями "финансового мира" всеми способами содействовали сохранению еврейской индивидуальности, культивировали национальные чувства. Они не одобряли тех, кто отходил от иудаизма, кто стремился к ассимиляции. Если Г. Гейне воспевал Рейн и паломничество к богоматери, то Иегуда Галеви — еврейскую тоску. Манесбен Ираиль боролся только за допущение евреев в Англию, а Мозес Монтефьоре ставил вопрос о приобретении территории и концентрации там евреев диаспоры.

Постепенно и в ассимилировавшихся кругах распространяется идея принадлежности к "особой еврейской национальности". Мозес Гесс, живший в Германии, считал себя гражданином мира и был горячим сторонником ассимиляции. Он принимал активное участие в революции 1848 года. После ее поражения обосновался во Франции, где его мировоззрение начало меняться. Гесс становится одним из ранних идеологов сионизма и в 1862 г. издает книгу "Рим и Иерусалим", в которой пропагандирует свои новые идеи.

Крупнейшим теоретиком сионизма стал и Лео Пинскер. В одном из трудов он писал: "Мы вели самую славную партизанскую войну со всеми народами земного шара, единодушно стремившимися нас уничтожить. Но войны, которые мы вели и будем вести бог знает сколько времени, были войнами не за отечество, а за жалкое существование миллионов странствующих торговцев". [Л.С. Пинскер. Автоэмансипация. СПб, 1898, с.

20.] И призывает начать битву "за отечество".

На сцену выступает новое течение — политический сионизм. Его наиболее ярким выразителем и вождем стал австрийский журналист Теодор Герцль, родившийся в ассимилированной еврейской среде Будапешта.

Герцль исходил из того, что приобретение территории и создание на ней государства должно осуществляться не филантропическими, а более радикальными методами и при неременной государственной поддержке ведущих держав Запада. Свой план Герцль изложил в брошюре "Еврейское государство", которую написал в Париже в мае-июле 1895 г., а в мае следующего года опубликовал. Он полагал, что завоевать симпатию Запада может только "большой мир" крупной еврейской буржуазии, который является частью мирового капитализма и который в силу этого, является настолько всесильным, что способен выполнить любую задачу мирового масштаба. Надо только заинтересовать этот мир. При этом он опирался на "реальные силы", на "реальную политику". Герцль не без основания считал, что сионистская идея — это идея самого "большого мира" еврейской буржуазии независимо от того формируется она сознательно или нет. Именно эта уверенность дала ему смелость раскрыть цель, которую тайно лелеяли филантропы и их теоретики во главе Л. С. Пинскером,— цель создания еврейского государства. С этим призывом Герцль и обратился к этому могущественному миру.

[начало](#)

2. ДЕРЗКИЙ ПЛАН

"Было бы красивее,— писал Герцль,— если бы мы могли завоевать страну для нашего государства романтическим военным походом, но только в возрасте двадцати лет можно считать это возможным. Нет, это должно произойти на почве ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА, СРЕДСТВАМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В НАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ, И В ПРЕДЕЛАХ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. Все наши лучшие силы должны посвятить себя этому чудесному делу, и, считаясь со всеми справедливыми сомнениями, я следующим образом формирую программу Society of Jews, которое должно быть основано в ближайшие дни" (выделение наше — А.С.). [Т. Герцль. Указ, соч., с. 177.]

Герцль, таким образом, планирует основать Общество (или "союз") евреев, которое поможет образованию еврейского государства только "средствами, находящимися в их распоряжении". Он не питает иллюзии, подобно другим деятелям, которые рассчитывают на кого-то и на что-то. Нет, курс берется на собственные силы и возможности. Что же касается выражения "пределы практической политики", то Герцль, разумеется, имеет в виду мозговой центр "общества евреев", который будет вести переговоры с великими державами по вопросу юридического признания еврейского государства.

Автор брошюры указывает на то, что "новые переселения евреев должны произойти согласно научным принципам... Как только территория будет за нами обеспечена (т.е. получена "международно-правовая гарантия" — А.С.), туда отправляется корабль для занятия страны..." Только тогда другой "еврейский мир" — финансовый — должен показать свои возможности. На этой "обеспеченной территории надо будет построить города и села". Ведь евреи поселятся "не в мазанках, а в современных, заново построенных, красивых домах, которыми можно будет владеть беспрепятственно. Никто не покинет старого дома, пока новый еще не выстроен. Переедут только те, кто уверен, что этим они улучшат свое положение. Сначала впавшие в отчаяние, потом бедные, затем состоятельные и, наконец, богатые". [Там же, с. 90.] К тому же предстоит организовать аппарат государственного управления со всеми его атрибутами.

На все это требуются громадные средства — золото. "Откуда вы возьмете деньги?" — такой вопрос задал Герцлю "великий денежный еврей" Гирш. Герцль, не задумываясь, отвечает: "Деньги? Я реализую еврейский национальный заем в десять миллиардов марок. Что значит для евреев десять миллиардов? Они ведь богаче, чем французы в 1871 году". В этих миллиардах Герцль видел "основу будущих железных дорог, эмигрантских кораблей и военного флота" еврейского государства. [Т. Герцль. Указ, соч., с. 69, 70.] Герцль хотел объединить различные еврейские "миры" в единый союз с единым руководством. Это — его заветная мысль, основная формула политического диагноза, из которого и родилось новое движение. "Единое руководство" предполагало, что должна быть разработана единая "еврейская мировая политика".

[начало](#)

3. РАЗНОГЛАСИЯ ПО ВОПРОСАМ ТАКТИКИ

После выхода в свет брошюры Герцля споры между различными политическими течениями в кругах еврейской интеллигенции стали особенно ожесточенными. Причиной явилась новизна выдвигаемых Герцлем вопросов.

На самом деле, история не знает примера, чтобы какой-нибудь народ, не имеющий ни клочка национальной территории, вновь отвоевал ее у другого народа и создал там свое государство. Забавная деталь. Когда Герцль попросил одного из лучших своих друзей ознакомиться с рукописью брошюры, тот заплакал во время чтения, и не потому, что был воодушевлен ее идеями, а потому, что подумал, будто Герцль сошел с ума, и сильно огорчился.

Понятно, почему брошюра "Еврейское государство" вызвала бурю негодования, особенно среди филантропов. Герцль отодвигал "финансовый мир" с первого места в создании "еврейского государства" на последнее, приглашая на авансцену дипломатический, политический и идеологический "миры". Это было нечто новое, неожиданное для этих "миров", и они, естественно, сильно насторожились.

Небольшая часть из них совместно с "финансовым миром" предприняли атаку против Герцля и его друзей, когда те пытались организационно оформить третье течение, так называемый "политический сионизм". При этом, делали это не сами, а через своих подручных-филантропов. Исполнительный комитет союза раввинов в Германии в составе Майбаума (Берлин), Горовица (Франкфурт), Гутмана (Бреславль), Ауэрбаха (Гальберштат) и Вернера (Мюнхен) опубликовали заявление, в котором утверждали, что "стремления так называемых сионистов обосновать в Палестине национально-еврейское государство противоречат мессианским заветам еврейства, как они содержатся в св. писании и в позднейших религиозных источниках". [Т. Герцль. Указ, соч., с. 213]

Борьба между представителями нового течения, так называемого политического сионизма, и творцами "большой космополитической политики" была не открытая, а, скорее, глухая. Их нападки особенно не беспокоили Герцля, он был уверен, что рано или поздно они перейдут в его лагерь.

Более упорно шел спор между сионистами и филантропами. Герцль выступал против их основного метода по завоеванию Палестины и вообще лишал их пальмы первенства в этом вопросе. Программа же тех и других была едина, она состояла из двух частей: политической и экономической. "Политическая задача сионизма состоит в том, чтобы добиться свободы эмиграции и колонизации Палестины: этого необходимо добиться в самом ближайшем будущем; это гшттит — предварительное условие политического ее завоевания. Вторая задача — экономическое ее завоевание". [Д. Вейсман. Сионизм и конституционная Россия. СПб, 1906, с. 9.]

Здесь не было разногласия между группой барона Эдмон-да Ротшильда и группой Теодора Герцля. Оно возникло в методах решения этих двух задач. Филантропы считали, что они в состоянии при помощи золота добиться свободной эмиграции, колонизации, а затем и экономического завоевания Палестины. Герцль же настаивал на том, чтобы "политический и дипломатический миры" сперва добились создания еврейского государства на основе международного публичного права, а потом уже "финансовый мир" обеспечил заселение и освоение Палестины. Ротшильд, таким образом, придерживался более осторожной политики. Он считал вредным и авантюрным открытое провозглашение задачи создания еврейского национального очага и тем более — государства.

"В то время, как наша задача,— говорили его осмотнительные сторонники,— должна заключаться в том, чтобы убедить султана и его правительство, что мы своей колонизацией Палестины преследуем самую невинную благотворительную цель устраивать бедных, преследуемых евреев России и Румынии, без всяких политических замыслов,— вдруг является какой-то исключительный фантазер, который, никого не спрашивая, трубит на весь мир о еврейском государстве. Кровные интересы палестинской колонизации требовали совершенно противоположного образа действий: усыпить бдительность Турции, не говорить, а делать, не кричать, а действовать; действовать это значит колонизировать, как Ротшильд, а не писать компрометирующие брошюры, как д-р Герцль". [Сб-к "Сафрут", кн. II. М., 1918, с. 75, 76.]

На возражения своих противников Т. Герцль отвечал: "Мы теперь должны показать миру, что еврейская нация существует, что она имеет ясную волю, тогда никакие враги нам не будут страшны". Что же касается вопроса о том, что эта стратегия спугнет Турцию, то друзья Герцля утверждали: как раз наоборот, надо только доказать Турции, что за свои уступки она получит гораздо большую выгоду. [Там же, с. 77.]

Что же касается баронов Гирша, Ротшильда и их друзей, то они, действительно, имели основание быть недовольными Герцлем который решительно выступал против их основной линии, во имя которой они вкладывали свои миллионные состояния, много труда и усилий. И не случайно, когда Герцль, обратился в первый раз к Гиршу с просьбой о свидании, тот посоветовал ему написать о целях встречи. В ответном письме, датированном 24 мая 1895 г., Герцль прямо заявил, что "Все, что Вы предпринимали до сих пор, было столь же великодушно, как и ошибочно, столь же дорого, как и бесцельно. Вы были до сих пор только филантропом, только Пибоди. Я укажу Вам путь, как можете стать кем-то большим". [Теодор Герцль. Указ, соч., с. 60.]

Герцль решительно отвергал старый план, согласно которому надо было заселять Палестину или другую территорию путем эмиграции и инфильтрации, создавая там земледельческие поселения, ремесленные училища, школы с тем, чтобы не вызвать у кого-либо подозрения о намерении евреев создания "на святой земле" национального очага, а затем и государства. "Инфильтрация,— писал Т. Герцль в "Еврейском государстве",— всегда кончается плохо. Ибо неизбежно наступает такой момент, когда правительство по настоянию населения, чувствующего себя в опасности, прекращает дальнейший поток евреев. Следовательно, эмиграция имеет смысл только в том случае, если основой ей служит наш обеспеченный суверенитет". [Т. Герцль. Указ, соч., с. 100, 101.]

К этой теме Герцль возвращался неоднократно. В одной из речей он заявил: "Еврейский вопрос не разрешится тем, что пара сотен или даже несколько тысяч семейств поселятся в Палестине. Я считаю наоборот, что при отсутствии собственной государственной защиты переселенцы подвергаются тем большей опасности, что они многочисленны. Их положение зависит от милости сменяющихся властителей. Один владыка добр, его наследник жесток — сколько раз евреи уже пережили это". [Там же, с. 175.]

Т. Герцль хорошо знал положение армян, был в курсе того, что они в своей же собственной стране подвергаются угнетению, притеснению, физическому уничтожению по той простой причине, что не имеют международно-правовой защиты, не являются субъектом международного права, поскольку лишены государственности. Он не хотел превратить Палестину в некую новую Армению для евреев. "Колонизация в большом масштабе,— говорил он в речи, произнесенной 7 ноября 1896 г. в Вене,— которую мы считаем

желательной, мыслима только стоящей под своей защитой, иначе мы переселим куда-нибудь новых армян". [Там же, с. 189.] Только после создания государства можно организовать "переселение в больших размерах". "Помочь народу можно только политически, а не филантропически. Эти благотворители питают некоторую антипатию к идее государства, потому что они боятся, что полезное колониционное дело рухнет, если руководящие круги узнают о намерении евреев основать государство". [Т. Герцль. Указ, соч., с. 175.]

Разногласия кончились, как это обычно бывает, компромиссом, взаимными уступками. Герцль пошел на то, что наряду с задачей основания еврейского государства новыми методами оставил на вооружении и старые филантропические способы заселения Палестины. Иначе говоря, он полностью не отстранил "финансовый мир" и на первом этапе борьбы. Герцль пошел на уступки и в вопросе выбора территории для планируемого государства, отдав предпочтение Палестине; согласился с филантропами и в выборе языка для нового государства.

[начало](#)

4. ПЕРВЫЙ КОНГРЕСС И "МИРОВАЯ ПОЛИТИКА" СИОНИЗМА

В своем труде "Еврейское государство" Герцль намечает контуры мировой политики "общества евреев", которое создается путем объединения финансового, политического, дипломатического и идеологического "миров". Именно в КОМБИНАЦИИ этих мощных "трестов" он видел залог успеха.

"Материальные элементы для проектированного мною строения,— указывалось в предисловии к "Еврейскому государству",— имеются в действительности: они осязаемы руками, в этом каждый может убедиться. И если желательно определить в одном слове предлагаемый опыт разрешения еврейского вопроса, то его нельзя назвать фантазией, а самое большее — "комбинацией". [Там же, с. 90.] Это "комбинационное" объединение ведет "мировую политику", но каждый член "братства" имеет свою особую задачу и выполняет определенную роль и обязанности. На первой стадии образования государства до его признания де-юре ФИНАНСОВЫЙ МИР НЕ ДОЛЖЕН ВМЕШИВАТЬСЯ В ЭТО ДЕЛО, ХОТЯ НЕ ИСКЛЮЧЕНО ЕГО СОДЕЙСТВИЕ. Отвергалось и постороннее дипломатическое вмешательство, как и военный аспект: Т. Герцль слишком хорошо знал европейскую дипломатию, чтобы согласиться на такой

пагубный шаг. К тому же перед его глазами стоял Армянский вопрос.

Английские и немецкие круги и некоторые недалёковидные армянские деятели старались придать "Армянскому вопросу" характер дипломатического вмешательства великих держав в эту проблему. Массовое избиение армян в 1895 г. было первым "деловым" ответом Турции на подобное вмешательство. В одной речи, произнесенной в 1896 г., Герцль заявил: "Я считаю дипломатически-финансовое вмешательство вредным для колонизации и, следовательно, для разрешения еврейского вопроса, и я надеюсь, что ЕВРЕЙСКИЙ ФИНАНСОВЫЙ МИР на это не пойдёт... Впрочем, опасность, что это финансовое вмешательство произойдет теперь же, сейчас, не очень велика, потому что султан чувствует сильную антипатию ко всякому вмешательству посторонних людей в его доходы. Есть, таким образом, надежда, что теперешнее состояние Турции продержится еще некоторое время... Султан может получить для своих финансов помощь настоящую, искреннюю, ТОЛЬКО ПОСРЕДСТВОМ СОГЛАШЕНИЯ С ЕВРЕЯМИ, и именно с такими евреями, КОТОРЫЕ ВЕДУТ ПОЛИТИКУ ЕВРЕЙСКУЮ, А НЕ ПОЛИТИКУ ПО ПОРУЧЕНИЮ КАКОГО-НИБУДЬ КАБИНЕТА" (выделение наше - А.С.). [Т. Герцль. Указ, соч., с. 189.]

Несмотря на разногласия между различными группами и группировками, Т. Герцлю удалось в 1897 г. созвать в Базеле первый конгресс своих сторонников и организационно оформить мировую сионистскую организацию. Фактически конгресс объединил различные "еврейские миры" или основную их часть под наименованием Общество, или Союз, евреев и заложил основы его стратегии для достижения конечной цели программы. Т. Герцль не сомневался в успехе. После конгресса он заявил: "В Базеле я основал еврейское государство".

В решении конгресса говорится: "создать влиятельную организацию, с которой Порты могла бы вступить в переговоры для отмены упомянутого запрета" и которая предпримет "подготовительные шаги к получению согласия держав на проведение в исполнение целей сионизма". [Энциклопедический словарь бр. А. и И. Гранат, т. 32, с. 105.]

Итак, подобная организация учреждена. Ближайшая задача новой партии — создать для еврейского населения обеспеченный публичным правом очаг в Палестине. Для достижения этого намечались следующие

пути:

1. Целесообразное способствование заселению Палестины евреями.
2. Организация и сплочение всего еврейства сообразно местным законам.
3. Усиление еврейского национального чувства и национального сознания.
4. Подготовительные шаги, необходимые для осуществления цели сионизма. ["Сафрут", кн. II, с. 199.]

Базельский конгресс за подписью Т. Герцля и его друзей послал благодарственную телеграмму турецкому султану за его "покровительство евреям". Это вызвало, как писала армянская газета "Дрошак", бурю негодования среди студентов Женевы. В адрес конгресса пришла телеграмма, в которой говорилось, что "армянское студенческое товарищество Женевы, объявляя свое глубокое уважение угнетенному еврейскому народу, выражает свое возмущение сионистскому конгрессу по поводу его телеграммы красному султану". Подобную телеграмму послали и болгарские, русские, польские, грузинские, еврейские и македонские студенты. Они выражали свое "возмущение и презрение конгрессу за его телеграмму великому палачу Абдул Гамиду". ["Дрошак", 1902, N 1 (на арм.яз.).]

Еще до первого конгресса Т. Герцль в беседе с бароном Гиршем заметил, что за время двухтысячелетнего рассеяния евреев их "политика не имела единого руководства. И это я считаю нашим главным несчастьем. Это повредило нам больше всех преследований". [Т. Герцль. Указ, соч., с. 61.] Теперь же, после конгресса, появилась реальная возможность осуществлять единую "мировую политику".

Если Герцль при этом проявлял больше интереса к дипломатическому, организационному обеспечению "еврейского государства", то другие деятели, в особенности Ахад Гаам, делали упор на идеологическое обоснование проблемы.

Являясь поклонником, как и Герцль, германского философа Фридриха Ницше, Ахад Гаам заимствовал у него идею "сверхчеловека" и, связав с иудейской догмой о "богоизбранности евреев", превратил ее в идею "сверхнации". "Если мы согласимся с тем, что сверхчеловек есть цель всех вещей, то мы должны согласиться с тем, что необходимой предпосылкой для достижения этой цели является сверхнация. То есть должна быть одна такая нация, лучше других приспособленная по своим внутренним характеристикам к

моральному развитию и устройству всей своей жизни в соответствии с моральным законом, который стоит выше морали обычного типа". Таковой Ахад Гаам провозглашает "экстерриториальную всемирную еврейскую духовную нацию". [M. Selzer (ed.). *Sionism Reconsidered: The Rejection of Jewish Normalcy*. The Mc Millan Company. London, 1970, pp. 164-165.]

Опираясь на идеи Герцля и Гаама, первый конгресс выработал важнейшие принципы "мировой политики" с единым руководством. Что она из себя представляла, какие цели и задачи преследовала, видно из статей руководителей сионизма в сборнике "Сафрут", посвященном двадцатилетию первого сионистского конгресса.

"До первого сионистского конгресса,— писал И.Л. Клаузер,— не было еврейской политики. Была или "Сахманус" — филантропия малого и большего масштаба, или же — "штадлонус" — заступничество большего или меньшего размера... Великий еврей Моисей Монтефиоре стал лишь великим "штадлоном" (ходатаем-заступником) за еврейский народ перед турецким султаном, Николаем I и др. Родился второй незаурядный еврей, барон М. Гирш,— и, несмотря на всю широту его размаха,— остался лишь крупным еврейским филантропом". Конгресс явился "днем рождения еврейской национальной политики, ставшей, как всякая истинная политика живой и сильной нации, политикой мировой... Великий народ не может идти к своему возрождению узкой тропинкой филантропов и ходатаев". И теперь не может быть ни одного политического деятеля, который, взвешивая судьбы Азии, не положил бы на весы и претензии еврейского народа на Палестину (все равно, желает ли он удовлетворить их или нет). ["Сафрут", кн. II, с. 46.]

Конгресс принял составленную Т. Герцлем так называемую Базельскую программу, провозглашавшую план "еврейской мировой политики" и стремление "создать для еврейского народа правоохраненное убежище в Палестине". Эта фраза стала затем эпиграфом для сионистской газеты "Рассвет".

Какими же путями и средствами планировалось вернуть давно потерянную территорию, где веками проживали другие народы, и создать там государство, которое до заселения его новыми гражданами должно было к тому же стать субъектом международного права, приобретающего международно-правовую защиту?

Надежды, конечно, прежде всего связывались с еврейским "большим миром", который Герцль считал всесильным. Какими же потенциальными возможностями тот располагал?

О мощи входящего в него "финансового мира", обладавшего значительной долей мирового богатства, общеизвестно. Один из зарубежных авторов писал: "что может быть более убедительной иллюстрацией фантастической концепции всемирного еврейского правительства, чем семья Ротшильдов, объединяющая в своем составе граждан пяти государств и оказывающая решающее влияние на экономическую жизнь многих стран далеко за пределами Европы". [Sacher H.M. The Course of Modern Jewish History. N 4, 1963, p. 129.]

И все же новую родину за деньги не приобретешь. Территорию можно завоевать большими батальонами, а ими сионисты в то время не располагали. За золото тем более не приобретешь "правоохраненное убежище". Тут требуется нечто другое. А что?

Вот здесь-то Т. Герцль впервые обратился к потенциальным возможностям других — политического, идеологического, дипломатического — "миров". Сила их не в людях, имеющих миллиарды, а в людях, пользующихся влиянием в политических партиях, в государственном аппарате, в научных и культурных кругах, в учреждениях массовой информации и агитации. Именно они задают тон при определении партийного курса или государственной политики, при формировании общественного мнения. Что же касается вопроса о том, какой именно "мир" должен был взять на себя главенствующую роль создателя охраняемого международным правом "убежища", то ответ напрашивался сам собой: только дипломатический, все остальные призваны были лишь содействовать усилиям дипломатического корпуса.

У сионистской "мировой политики" были две важнейшие составные части: политика так называемой восточной ориентации, направленная на завоевание симпатий Турции, и политика западной ориентации, призванная заинтересовать европейские великие державы в создании еврейского государства.

В 1904 году известный сионист М. Усышкин говорил, что евреи Востока сохраняют национальный идеал, а евреи Запада владеют всеми средствами "политической школы, богатством и возможностью организовать, но все это уходило на борьбу за чужие интересы". Герцль научил их тому, как все это следует направлять на борьбу за **ЕВРЕЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ**. "Восток и Запад должны объединиться, мы

должны взять идеал на Востоке и осуществить его средствами Запада". То же самое говорил другой сионист, Д. Пасманик: "Герцль синтезировал в себе расу Востока и культурные приемы Запада. Он для своего народа написал "Еврейское государство", а для чужих он писал фельетоны... Наше возрождение мыслимо только при химическом проникновении сущности Востока ПРИЕМАМИ И ОРУДИЯМИ ЗАПАДА". [Т. Герцль. Указ, соч., с. 39.]

Используя "приемы и орудия Запада", дипломатический, политический и идеологический "миры" должны были юридически оформить образование национального государства или создать юридически-правовую основу для подобного предприятия. Таким образом, "еврейский вопрос,— говорил С. Ро-зенбаум,— из вопроса об объеме ограничительных законов превратился в вопрос международного права, интересующий ПРАКТИЧЕСКИХ ПОЛИТИКОВ И ДИПЛОМАТОВ" (выделение наше — А.С.). [Т. Герцль. Указ, соч., с. 41,42.]

Именно эти практические политики и дипломаты, евреи по национальности, занимающие важные посты в государственных и партийных структурах различных стран, призваны обеспечить "международно-правовую защиту" евреев до их ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ПАЛЕСТИНУ. "Мы, сионисты,- пишет Герцль в статье "Раввины протестанты",- считаем, конечно, поселение земледельцев более безрассудным, чем благодарным, если оно происходит без международно-правовых гарантий". [Там же, с. 205.] В этом заключается основа всего плана образования еврейского государства Герцля.

Т. Герцль создает целую теорию дипломатического сионизма. В письме, адресованном Д. Пасманику, он писал: "Кто бы ни хотел предпринимать что-либо в чужой стране, прежде всего пойдет по пути дипломатии, кем бы и чем бы он ни был. Только кто имеет миллионную армию, может и предпринимать что-нибудь в чужой стране. Но когда мы озираемся вокруг нас, то мы видим, что даже владеющие миллионными армиями непременно пользуются дипломатическим путем". [Д-р Л. Пасманик. Чертер и концессии (методы осуществления сионизма). Изд-во "Кадима", Одесса, 1906, с. 16.]

Понятно, что сионисты, лишенные вооруженных сил, призваны пользоваться первым долгом дипломатическим оружием в лице своего Общества евреев, действующего в высших сферах великих держав мира. Д. Пасманик, развивая теорию Герцля о дипломатическом сионизме, писал:" Спасение надо искать в

дипломатических переговорах с великими державами, так или иначе заинтересованными в разрешении еврейского вопроса и в изменении Statusquo в Палестине". На этом пути "имеются только два средства: СНИЗУ — все более и более расширяющаяся и дисциплинированная сионистская организация с могущественными финансовыми институтами (колониальный банк, национальный фонд), СВЕРХУ ГЕНИАЛЬНЫЙ ДИПЛОМАТ В ОДНОМ ИЛИ В НЕСКОЛЬКИХ ЛИЦАХ, который мог бы с легкостью привлечь доверие и симпатии европейских правительств, который мог бы, опираясь на организации и институты, при помощи своих гениальных дипломатических способностей превратить еврейский вопрос в вопрос интернациональной политики". Второй, параллельный путь — переговоры с Турцией для приобретения концессии и "только концессии". [Д-р Л. Пасманик. Чертер и концессии (методы осуществления сионизма). Изд-во "Кадима", Одесса, 1906, с. 11.]

Теория Герцля "о дипломатическом сионизме" стала неделимой частью сионистской "мировой политики", которая предусматривала, что различные миры еврейского общества могут действовать по своему усмотрению, под различными наименованиями и часто противоположными лозунгами. Чтобы не препятствовать их работе, сионизм разрешил евреям диаспоры говорить на любом языке, именоваться человеком любой национальности, быть членом любой политической партии, исповедовать любую религию и все это при одном неременном условии — сохранять верность идеалам сионизма и Ветхого завета.

[начало](#)

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВОСТОЧНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ СИОНИЗМА И АРМЯНСКИЙ ВОПРОС

1. ЧТО ТАКОЕ СУВЕРЕНИТЕТ?

Западноевропейские сионисты во главе с Герцлем первоначально были одухотворены только идеей территориализма и получением "чертера", в то время как русские сионисты, так называемые "культурники", в лице Усышкина, Членова и др., выдвигали на передний план идеологию и отвергали всякую мысль о какой-либо территории, кроме Палестины. Когда первые отказались от идеи создания еврейского государства на

территории США, Латинской Америки или Африки и перешли на позиции сионистов России, то протурецкая политика стала официальной политикой всех сионистов.

На пути создания в Палестине еврейского государства лежали большие трудности. Во-первых, надо было колонизировать территорию, где проживали арабы и где еврейский элемент составлял ничтожный процент. Во-вторых, Палестина находилась под суверенитетом Турции, без согласия которой невозможны были ни колонизация, ни создание там национального очага. В 1893 г. турецкое правительство под давлением России издало специальный приказ о запрещении прибывшим из России иммигрантам покупать землю и оставаться там более трех месяцев. Правда, этот приказ, при содействии Англии, точно не соблюдался, но все же являлся серьезным препятствием. И, в-третьих, международное общественное мнение, по словам самих же сионистских лидеров, было неблагоприятным, ибо евреи "в Европе не пользовались такими симпатиями, какими пользовались греки в начале текущего столетия". ["Сафрут", кн. II, с. 109.]

Понятно, что самым кардинальным вопросом, без разрешения которого нельзя было даже приступить к делу, был вопрос об отношении к Турции. Всем была очевидна необходимость завоевать симпатию Порты, заполучить хотя бы ее молчаливое согласие на въезд евреев в Палестину. Основоположник дипломатического сионизма и первый его дипломат Герцль еще до Базельского конгресса сам берет за разрешение этой проблемы.

Он пристально следил за освобождением балканских народов от турецкого ига, за осложнением возникшего после Берлинского конгресса Армянского вопроса, который был частью того же восточного вопроса. Армянский вопрос стал для Герцля исходной точкой при выработке собственных методов разрешения проблемы Палестины.

Герцль, хорошо знавший армянскую историю, был убежден, что лидеры армянского национально-освободительного движения ошибаются как в теории, так и в вопросах стратегии и тактики. Свою теорию, стратегию и тактику он построил прямо противоположными тем, которых придерживались они.

Если армяне требовали только автономии Западной Армении в рамках турецкой государственности, то

Герцль выдвигал радикальное решение вопроса: приобрести территорию для организации еврейского государства в международно-правовом аспекте, где турецкий султан терял бы на эту землю суверенитет. И только после этого пригласить евреев к массовому переселению в Палестину. Герцль прямо заявил, что он не желает создавать "новую Армению для евреев". Армения была колонией Турции, ее народ не был субъектом международного права, суверенитетом пользовалась господствующая нация в лице ее правителей.

И если армяне хотели добиться своей цели при содействии и вмешательстве великих держав, то Герцль решительно отвергал подобные тактические приемы и пытался достичь своей стратегической цели исключительно путем получения добровольного согласия самого султана. Для этого султана надо убедить, что еврейский "большой мир" заплатит ему не меньшую цену, чем цена уступленной территории.

Теодор Герцль не питает иллюзий ни по отношению к Западу, ни к Востоку. Сперва суверенитет Палестины по международному праву, а потом ее заселение.

Что же такое суверенитет, независимость государства? Говоря словами ученых-юристов, это территориальное и личное верховенство. Суверенитет имеет ряд аспектов. Во-первых, это власть, которая не зависит от другой земной власти, в частности от власти другого государства. Здесь проявляется его внешняя независимость, "поскольку дело касается свободы действий государства за пределами его границ, во взаимоотношениях с другими государствами". Во-вторых, внутренняя независимость. Государство обладает свободой действия в пределах своих границ. И, наконец, суверенитет есть территориальное верховенство. Государство осуществляет верховную власть над своими гражданами внутри страны и вне ее. Следовательно, суверенитет есть личное верховенство. [Л. Оппенгейм. Международное право, т. 1, полутом 1. Пер. с 6-го англ. изд., дополн. Г. Гаутерлахтом, под ред. и с предисл. проф. С.Б.Крылова. М., 1948, с. 260.] "Независимость, территориальное и личное верховенство являются не правами, но признанными, а поэтому и охраняемыми свойствами государств, как международных лиц". [См там же, с. 50—61.]

Речь идет не о каких-либо юридических правах, а практике, норме поведения государств в их взаимоотношениях. Иногда государство в своих отношениях с другими государствами по какому-либо вопросу (вопросам) ограничивает свое территориальное и личное верховенство. Но при таких

международных соглашениях, как правило, отсутствует аппарат принуждения и государство имеет возможность лавировать или под различными предлогами юридически не выполнять взятые на себя международные обязательства. Подобным соглашением является, например, решение Берлинского конгресса по Армянскому вопросу. Лидеры еврейского "большого мира", пожалуй, могли добиться подобного соглашения относительно своих прав в Палестине и заселить ее, но отказались, хорошо сознавая, что и тогда судьба ее населения будет зависеть от прихоти султана.

Эта простая особенность международного права не была понята армянскими деятелями. Решение Берлинского конгресса было воспринято как спасение, как Ариаднина нить для выхода из турецкого лабиринта на свободу. На самом деле оно явилось петлей на шее народа, конец которой находился в руках турецких правителей. Круг был замкнут, он не имел выхода. Положение не изменилось и тогда, когда на политической сцене появились партии. Их лидеры полагали, что великие державы - Англия, Франция, Италия, Германия, Австрия, Россия — заставят Порту уважать принятые на себя обязательства.

Но великие державы никогда не проявляли единства при решении Армянского вопроса, как это было относительно балканских народов. Он стал яблоком раздора, особенно между Англией и Россией. Порта великолепно использовала эти противоречия, а армяне продолжали настаивать на своих правах по международному соглашению. Известный юрист по международному праву А. Диев в своем трактате "Армянский вопрос в Турции" еще в то время писал с полным знанием дела: "Правда, права армян принадлежат к высокой, но хрупкой области международного права, которое не имеет санкции физической силы, и обладатели последней могут более или менее безнаказанно нарушать интересы носителей права без санкции силы". [Гр.А. Диев. Армянский вопрос в Турции. — Сб. статей: Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году. М., 1896, с. 297.] Турки, хорошо сознавая эту особенность международного права, после Берлинского конгресса окончательно встали на путь физического устранения армянского элемента.

Лидеры сионизма не хотели, чтобы с их народом произошло то же. Герцль хорошо знал все особенности и преимущества дипломатической кухни Запада, слабости и возможности Востока. Он верил, что, используя эти две силы, добьется для евреев создания в Палестине независимого государства.

2. ПЕРВАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Как реагировал турецкий властелин на план Теодора Герцля? Абдул Гамид решительно отверг его. Он заявил: "Я не могу продавать и пяди земли, потому что она принадлежит не мне, а моему народу... Пусть евреи сохраняют для себя свои миллиарды. Когда моя империя будет разделена на части, они смогут получить Палестину даром..." Несмотря на многочисленные подобные высказывания властелина Османской империи, Герцль не был обескуражен и продолжал придерживаться того мнения, что армяне ведут не национальную политику, а сам он будет вести только еврейскую политику.

Решение Берлинского конгресса Герцль считал ловушкой для армян. Мейер, ведущий еврейский эксперт по финансовым вопросам и руководитель конторы Ротшильда, писал своему другу Т. Герцлю, что полагает "армянскую затею безнадежной". Впрочем, такого мнения придерживался и сам Бисмарк, считая 61 статью "палкой о двух концах". Один конец находился в руках Берлина, Лондона, Петербурга, Вены, Парижа, с его помощью они осуществляли давление на Турцию ради собственных выгод. Второй конец в руках турецкого султана. Этой палкой он методически, планомерно истреблял коренное армянское население.

В ответ на турецкие зверства последовали действия армянских революционеров, а европейская печать в основном сочувствовала армянам, что давало повод великим державам выступить в "защиту армян" в виде очередных протестов Высокой Порте или демонстрации своих военно-морских сил у берегов Турции. Это, в свою очередь, выводило из состояния равновесия турецкого повелителя. Армяно-турецкие отношения ужесточились. Т. Герцль, прекрасно понимая трудное положение султана, взялся помочь ему заключить "перемирие", для чего использовал обращение султана к армянам покоряться ему, быть примерными подданными.

На эту тему современный арабский историк Марван Бухей-ри опубликовал на страницах журнала "Палестинские исследования" статью под названием "Теодор Герцль и армянский вопрос". В данном разделе мы подробно ознакомимся с содержанием этого в высшей степени любопытного материала. [Maruan

R. Buheiry, Theodor Herzl and the Armenian question: Journal of Palestine Studies, vol. VII, N 1, Autumn, Beirut, 1977, pp.75-97. Все цитаты даются по переводу, сделанному С.М. Григоряном.]

Итак, Герцль, развив бурную посредническую деятельность, заручился содействием переводчика "Еврейского государства" на русский язык С. Клячко, журналиста-еврея и бывшего нигилиста, который был знаком с лидером тифлисского комитета Алавердовым (Алавердяном) и мог установить контакт с армянскими революционерами в Лондоне. Клячко было предложено написать им, особо подчеркнув, что Герцль считает предложение султана искренним и что его личному посланнику можно доверять.

15 мая 1896 г. Герцль написал из Вены письмо в Лондон польскому авантюристу, турецкому и сионистскому агенту Нев-линскому и проинформировал его о том, что устанавливаются контакты с армянскими лидерами в Лондоне и Тифлисе. Он также дал следующий совет: "Вы должны будете преодолеть недоверчивость армян. Их лидеры будут убеждены, что мы хотим скомпрометировать их бесплодной покорностью, что нанесет урон всему движению. На самом деле, основываясь на полученной мною прошлой ночью информации, мы могли бы добиться от них заключения перемирия без каких-либо пагубных результатов".

Невлинский особенно хотел быть принятым у лорда Солсбери и войти во влиятельные круги британской прессы, традиционно враждебной к Абдул Гамиду. Доверенный агент султана телеграфировал Герцлю об оказании содействия в "представлении сэру Эдварду Лоусону, сыну Иосифа Мозеса Леви из "Дейли Телеграфа". Он также попытался привлечь на свою сторону Брэнтингена, редактора влиятельной "Контемпорари Ревью". В ответ Герцль послал рекомендательное письмо к Люсьену Вольфу, ведущему британскому журналисту, прося его о помощи. Он не мог бы найти личность, занимающую более видное место.

Вольф, несмотря на свою оппозицию к сионизму (он опубликовал статью под заглавием "Сионистская угроза"), был привлечен Герцлем к работе и оказал ему и Невлинскому помощь относительно их "армянской миссии". Вот каким образом сам Невлинский охарактеризовал ее в письме к Вольфу: "Цель состоит в том, чтобы убедить армянские комитеты вступить в прямые переговоры с султаном, который руководствуется наилучшими намерениями. Могло бы быть достигнуто искреннее и полное примирение. Армяне, конечно,

должны будут принять во внимание очень трудное положение, в котором находится султан. Это позволит ему дать им больше, чем можно будет когда-либо достичь какой-нибудь демонстрацией военно-морских сил. Основная задача, как вы знаете, состоит в установлении понимания с султаном лично, без вмешательства его министров или иностранных дипломатов, что в прошлом все портило..."

Но письмо Герцля от 22 мая 1896 г. к Соломону Ж. Соломону, президенту лондонского Маккавейского клуба, является еще более показательным в смысле: а) важности добиться поддержки британской прессы в отношении армянской инициативы султана (в скобках можно было бы добавить: с помощью влиятельных еврейских журналистов) и б) в высшей степени противоречивого характера (на грани с хитростью) предложений Герцля армянским лидерам. Усердие Герцля было направлено вовсе не к тому, чтобы помочь им исправить какие-либо их ошибочные тактические приемы. Он писал:

"Армяне не должны знать, что наше участие обусловлено нашими национальными интересами. В случае, если прямое вмешательство окажется невозможным, нельзя ли будет создать в британской прессе атмосферу в пользу мнения о подчинении армян? Мистеру Люсьену Вольфу нетрудно будет понять всю важность этой акции; и я надеюсь, что он сможет помочь нам настолько, насколько это возможно. Наша цель состоит в том, чтобы убедить армянские комитеты, которые намереваются возобновить в июле борьбу, заключить перемирие до августа. Я говорю перемирие, а не мир, поскольку в этот период мы сможем совершить сделку с султаном и получить некоторые уступки для нас самих. Можно ли понимать, что я могу рассчитывать на Вас, мистера Вольфа и на наших друзей в Лондоне? Мы должны действовать без промедления..."

По крайней мере в одном отношении миссия Невлинского — Герцля была успешной: в британской прессе появилась некоторая информация относительно предложения султана о проведении реформ в ответ на подчинение. В газете "Обсервер" 7 июля 1896 г. была опубликована статья под заголовком "Султан и армяне: правда о секретной миссии". В ней армянские лидеры предупреждались о том, чтобы они не позволяли себе "быть завлеченными в ложное положение", слепо прислушиваясь к пристрастным советам партии младотурок.

Теодор Герцль затратил три месяца в попытках пробить брешь в армянских революционных комитетах в Европе, но не мог похвастать большим успехом; в частности, безрезультатной оказалась его встреча с

лидером партии "Гнчак" А. Назарбекияном. Установление прямого контакта с армянскими революционерами в Лондоне было одной из основных целей поездки Герцля туда в июле 1896 года. 11 июля у него взял интервью журналист Рапопорт, хорошо знакомый с армянскими деятелями, в том числе и с Назарбекияном. В записи Герцля об этом говорится следующее:

"Рапопорт указал мне, что он подозревает, что армянским революционерам оказывает финансовую поддержку английское правительство.

Я попросил его свести меня с Назарбекияном. Я хочу объяснить этому революционеру, что армянам следует сейчас установить мир с султаном, не придавая особого значения их последним заявлениям о том, что Турция должна быть разделена на части".

Спустя два дня Теодор Герцль отправился на станцию метро "Шепердс Буш" на долгожданную встречу с армянским лидером. Вот как он описал эту сцену:

"Дом очень шумный, средней руки, обставлен во вкусе среднего класса; время от времени в дверном проеме показываются дикие армянские лица. Это беженцы, нашедшие здесь убежище.

Рапопорт, русский подданный, представил меня. Вместе с ним и с мадам Назарбек я дождался в гостиной хозяина дома. Я сказал, что еще не завтракал, после чего эта женщина с недружелюбным выражением на лице принесла мне кусочек мяса.

Назарбек пришел домой. Голова гения, какие обычно изображают в Латинском квартале. Черные, беспорядочно вьющиеся волосы, черная борода, бледное лицо.

Он не доверяет султану и до того, как подчиниться, хотел бы иметь гарантии. Его политические идеи беспорядочны, его понимание положения дел в Европе совершенно детское. Он сказал, например: "Австрия строит укрепления на Черном море!"

Как видно, его слову подчиняются бедные люди в Армении, которых подвергают резне. Он живет в Лондоне, но без особых удобств.

Я спросил, знает ли он, кто в конечном итоге получит пользу от всех этих волнений, Россия или Англия?

Он ответил, что его это не беспокоит; он борется только против турок.

Женщина все время прерывала нас, говоря что-то по-армянски и явно против меня. У нее был враждебный взгляд, и кто знает, насколько она несет ответственность за кровопролитие. Или, может быть, это страшный взгляд испуганного, загнанного человека?

Я обещал, что попытаюсь убедить султана прекратить погромы и новые аресты, что будет знаком его доброй воли. Но он вряд ли освободит заключенных авансом, как этого хотел Назарбек. Я безрезультатно объяснял ему, что в конце концов революционеры могут следить за ходом мирных переговоров и не разоружаясь, с ружьями у ног".

То, что Герцль манипулировал Армянским вопросом для достижения своих собственных целей, не вызывает сомнения. Кстати, так же прагматически он действовал и по отношению к грекам. В последующие месяцы Армянский вопрос потерял свою актуальность и информационную привлекательность в канцеляриях и офисах Европы: в апреле 1897 года вспыхнула греко-турецкая война. Герцль не замедлил занять протурецкую позицию, организовав фонды для оказания помощи Турции в ведении войны и запись добровольцев, включая докторов. Он передал секретное послание турецкому послу в Вене, в котором подчеркнул, что евреи полны огромного желания использовать эту возможность для демонстрации своей преданности Порте. Армянский вопрос в международной политике отошел на задний план, а вместе с ним — одна из первых дипломатических инициатив зарождавшегося сионистского движения. Однако она позволила Герцлю вступить в непосредственный контакт с султаном.

[начало](#)

3. ПЕРЕГОВОРЫ ГЕРЦЛЯ С ТУРЕЦКИМ СУЛТАНОМ

15 июля 1896 г. Теодор Герцль отправился из Вены через Софию в Константинополь. Он тщательно подготовил почву для встречи с повелителем Оттоманской империи. Огромную помощь в этом ему оказал профессор Герман Вамбри.

Жизнь последнего во многом была связана с Турцией. Как рассказывает сам Вамбри, он, будучи молодым человеком, в начале пятидесятых годов прошлого столетия приезжает из Европы в Константинополь с целью изучения восточных языков. Вскоре перед ним открывается доступ к видным турецким вельможам. Он стал

учителем и секретарем у различных министров и получил доступ во дворец как учитель французского языка у принцессы Фатьмы, а вскоре познакомился и с ее братом, принцем Гамид-ефенди, болезненным и бледным юношей.

Проходят годы. Вамбри объезжает страны мусульманского Востока и, вернувшись в Европу, узнает, что его прежний царственный знакомец вступил на трон. Само собой разумеется, это побудило профессора возобновить старое знакомство. Он отправился в Константинополь, где "был дружески гостеприимно принят и в короткое время стал чем-то вроде доверенного у султана".

"Мои отношения к султану,— продолжает свой рассказ Вамбри,— возбудили внимание расположенного к интригам европейского квартала Константинополя и на разные лады комментировались. Известие об этом проникло также и в Европу". Однажды в Будапеште к Вамбри зашел Герцль просить, чтобы устроил ему аудиенцию у султана, "так как он желал бы переговорить с ним по поводу сионизма". Вамбри, разумеется, охотно обещает помочь, так как он, "будучи евреем по рождению и воспитанию, всегда живо интересовался судьбой братьев".

Вамбри горячо берется за дело. Он пишет письмо другу во дворец, сам с этой целью специально приезжает в столицу Турции. Встречи с Герцлем становятся частыми. Вместе обсуждают "подробности его будущего визита к султану", а также вопрос о том "как приобрести влияние при дворе". Вамбри принимал такое активное участие, что Герцль "был тронут до слез". "Моя миссия,— рассказывает Вамбри,— принадлежала к числу труднейших, какие только приходилось исполнять. Прежде всего — недоверие султана, который опасался сионистов, видя в их намерении покушение на Палестину, и затем — его нерешительность во всем. Мне стоило огромных усилий рассеять его предубеждение.

Наряду с султаном создавал затруднения и двор, так как эти люди думали, что если евреи хотят получить концессию, то золото должно литься дождем, и каждый хотел получить несколько капель этого дождя.

Наконец, в некоторых дипломатических кругах косо посматривали на то, что еврейское влияние совет гнездо в Палестине, и относились не особенно дружелюбно к сионистским стремлениям... Наконец, я получил

окончательное решение Абдул-Гамида, гласившее, что он примет д-ра Герцля, но что я должен моментально уехать. Оба одновременно мы не должны были быть в Константинополе". [Т. Герцль. Указ соч., с. 47.]

Султан действительно принял Герцля, причем "чрезвычайно дружественно", и тот оставил на турецкого владыку "прекрасное впечатление". Г. Белковский уверял, что Герцлю "был оказан первый торжественный прием, как некоронованному главе еврейского народа", и что в Константинополе он "знакомился с политическим положением Турции и возможным ее отношением к открытому обсуждению вопроса по обеспечению правильного развития еврейского дела в Палестине". ["Сафрут", кн. II, с. 69.]

Первоначальные колебания султана и его нежелание встречаться с автором "Еврейского государства" объясняются не столько тем, что Абдул Гамид опасался сионистов, сколько тем, что он был крайне недоволен венской газетой, на которую работал Герцль. Вот что пишет сам Герцль в "Дневниках": "/Абдул Гамид/ не мог и не сможет принимать меня как журналиста... наша газета подвергла его личность такой злобной атаке, какая когда-либо имела место в прессе, включая английскую и армянскую.

С другой стороны, он мог и может принимать меня как друга, после того как я предложил ему свои услуги. Услуги, которые он просит у меня, следующие: первое, я должен оказать влияние на европейскую прессу /в Лондоне, Париже, Берлине и Вене/, с тем, чтобы армянский вопрос освещался в более дружественном для турок духе; второе, я должен прямо убедить армянских лидеров подчиниться ему, после чего он сделает им все возможные уступки...

Я сразу же сказал Невлинскому, что я готов составить ему кампанию. Пусть они дадут мне практическое представление от армянской ситуации: каких людей в Лондоне следует переубедить, руководство каких газет следует уговорить и т.п. Конечно мои усилия были бы очень облегчены, если бы султан принял меня". [The Complete Diaries of Theodor Herzl, т. I, с. 386-387.] Каковы итоги этих переговоров?

В одной из речей в ответ на обвинение своих политических противников-филантропов он говорил: "Я могу успокоить колонизаторов, так как я приехал из Константинополя. Султан весьма благосклонен к евреям. Я даже смею утверждать, что во всем мире евреи не имеют более великодушного доброжелателя, чем его величество ныне царствующий султан". [Теодор Герцль. Указ соч., с. 175.]

Подобное высказывание Герцля скорее всего носит политический и дипломатический характер, во-первых, с целью уменьшить давление своих противников, и во-вторых, чтобы оставить двери открытыми для ведения дальнейших переговоров с Портой. Он не добился главной цели ни в армянской миссии, ни в переговорах с султаном по поводу Палестины. Герцль был разочарован во всемогущей "финансовой империи" при решении важных государственных задач. В этом отношении близок к истине ответ проф. Вамбри об итогах визита Герцля к султану. "Из этих переговоров,— говорил он,— подробности которых мне не известны, и о которых я не могу здесь сообщить, вышло мало положительного. Несмотря на это, переговоры продолжались".

Да, действительно, переговоры продолжались. Султан не захлопнул двери перед Герцлем — они остались настежь открытыми. Абдул-Гамид не мог отменить запрет на въезд евреев в Турцию ввиду особого внутреннего и внешнего положения страны и, в частности, ввиду враждебного отношения к этому вопросу со стороны России. Но его величество смотрит весьма сочувственно на то, как турецкие чиновники нарушают его же указ. Так что Герцль открыл новую страницу в отношениях с Турцией. Он, так сказать, положил начало "государственному" визиту между коронованной главой турецкого народа и "некоронованной главой еврейского народа".

Через год Герцль вновь появился в турецкой столице, где продолжал переговоры с султаном.

Как и во время первого визита, он пытался убедить Абдул-Гамида, что еврейское государство в Палестине, в случае если оно будет создано, наилучшим образом будет блюсти интересы Турции и станет ее верным стражем в этом регионе. Герцль бил по самому больному месту "больного человека". Он прекрасно знал, что Турция постоянно находится под страхом, который навел на нее еще правитель Египта Мухамед Али (1769—1849) в первой половине XIX столетия, когда его армия, громя турецкие полки, завоевала Палестину, Сирию, Ливан и угрожала столице империи. Тогда Турция спаслась благодаря военному вмешательству Англии и России. С тех пор национально-освободительное движение арабов приняло более широкие масштабы. Абдул-Гамид боялся, как бы арабские страны, подобно балканским народам, не отделились от империи. Чтобы этого не случилось, Герцль и предлагал свои услуги.

Сионистский руководитель стремился воздействовать на Абдул-Гамида и другим путем. Он находил несчастье Турции в ее финансовом банкротстве и считал, что ей может помочь только еврейский капитал. Видный сионист И. Гринбаум в своей книге "Сионистское движение" (т. 2, стр. 33) по этому поводу писал: "Беседа с султаном продолжается свыше двух часов. Герцль заявляет, что он готов помочь Турции выйти из финансовых затруднений, которые она переживает... Он еще ничего не требует, он только желает завязать дружественные связи, Турция и евреи сблизятся и сдружатся — султан должен подать знак, который поймут все евреи в мире, что между Турцией и евреями заключен дружественный союз. Он, Герцль, подготовит пока проект оздоровления финансов Турецкой империи и найдет необходимые средства (выделение наше — А. С.).

В своих двухтомных "мемуарах" Герцль проливает дополнительный свет на этот вопрос. Он пишет: "Турецкое правительство потребовало от нас уплатить 40 миллионов франков. Взамен оно обещало представить концессию на сооружение железной дороги от Персидского залива к Средиземному морю, а также дать нам возможность основать колонии в Палестине на площади 70 тысяч квадратных километров". [The Complete Diaries of Theodor Herzl, т. II, с. 711.] Заметим, что эта площадь почти в три раза превышала ту, которая стала подмандатной территорией Англии после Первой мировой войны. Казалось бы, чего лучше! Но здесь отсутствовало то, чего добивался Герцль, — международная правовая гарантия.

Отношение к Турции стало вопросом вопросов для сионистов, так сказать, "быть или не быть". С попытки его разрешения начал свою дипломатическую деятельность Герцль. Этот вопрос был главным в споре его группы с группой барона Ротшильда; страсти разгорались не только во всех кружках и комитетах, разбросанных по многим странам мира, но и в центральном комитете "Друзей Сиона". Так обстояло дело до Базельского конгресса.

[начало](#)

4. АРМЯНСКИЙ ЖУРНАЛ "МУРЧ" ("МОЛОТ") О СИОНИЗМЕ

В армянской периодической печати, насколько нам известно, только журнал "Мурч" регулярно освещал деятельность сионистов в период с 1897 по 1907 гг. Общественно-политический и литературный журнал

"Мурч" издавался в Тифлисе (1889—1907 гг.), имел либерально-реформистское направление. Сотрудничали в журнале известные армянские демократические писатели — Г. Агаян, П. Прошьян, Ов. Туманян, Д. Демирчян и другие. В одном из первых номеров журнал писал об избиении евреев в Тегеране, где их проживало более 3 тысяч. Многие из них были уничтожены, некоторые, чтобы спасти свою жизнь, приняли магометанство. ["Мурч", 1897, N 5, с. 735.] В другом номере того же года говорится о том, что сионизм стал проявлять большую активность, когда в движение вошли Герцль, Макс Нордау, Бернар, Лазарь, Келнер и др. Журнал коротко сообщал о работе конгрессов и деятельности лидеров сионизма. В одном из номеров была помещена заметка о встрече Теодора Герцля с турецким султаном. ["Мурч", 1899, N 7-8, с. 941.]

Наиболее содержательным и интересным материалом на тему о сионизме, опубликованном в "Мурче", следует считать рецензию, подписанную инициалами Е.Т., в которой автор довольно подробно и с симпатией излагает историю движения, а в конце подвергает критике его тактику явно с позиции, противоположной сионистской.

Переходя от сионистской стратегии к тактическим методам борьбы, рецензент проявляет явное непонимание их сути. Он считает, что "еврейская молодежь осуждает эту тактику и становится "главным врагом сионизма". Эта молодежь, убеждает своих читателей автор, хорошо понимает суть движения, но не сочувствует сионистской тактике, практической деятельности. Она обвиняет своих лидеров в том, что те вырабатывают большие программы, но "не оказывают непосредственную помощь обездоленным евреям", "все свои надежды возлагают на будущее и воодушевленно ведут переговоры с красным зверем - султан Гамидом". ["Мурч", 1902, N 5, с. 174-179.]

Как видно, Е.Т. — эмоциональный человек, рассуждающий как боец-патриот. Раз турецкий султан угнетает хлебопашца, грабит его имущество, унижает его достоинство, значит, справедливо взять винтовку и выступить в защиту этого бедного человека, значит надо перед лицом Европы протестовать против произвола и насилия, значит, негрешно организовать террор против самого "красного зверя". У Теодора Герцля была другая логика. Он действовал с позиций холодного расчета, не как боец, а как стратег. Без армии, хорошо вооруженной и обученной, нельзя дать сражение, надо выиграть время, надо войти в доверие султану любой ценой — лестью, золотом, даже ценой людских потерь. Отсюда и переговоры с султаном, и

приветственные телеграммы, и неустанные призывы к живущим в Палестине "бедным евреям" служить ему верой и правдой, терпеть все невзгоды, даже погромы в надежде, что эта земля со временем станет чисто еврейской. Тактика Герцля, выработанная с учетом внутреннего и международного положения Турции, была рассчитана на дружбу с ее правящими кругами, на поддержку их усилий спасти идущий ко дну государственный корабль. Тактика искала компромисса на взаимно приемлемых условиях. Нужно только убедить турок, что за свои уступки они получают равное, если не большее вознаграждение.

Работники редакции "Мурч" исходили из иных, прямо противоположных концепций. Армянские деятели вообще, поддерживая стратегическую программу сионизма (даже когда Энвер и Талаат в январе 1918 г. заключили с сионистами секретное соглашение, аналогичное англо-сионистскому; и тогда, когда русские сионисты в 1917—1920 гг. развернули мощную протурецкую агитацию), одновременно осуждали его тактику. Да и у некоторых коллег Герцля были сомнения относительно моральности его позиции, в частности в Армянском вопросе. Бернард Лазар, один из самых первых сподвижников Теодора Герцля, вышел из состава исполкома сионистского движения в знак протеста против связи его лидера с Абдул Гамидом. В 1902 году он подверг сионизм критике в своих публикациях во франко-армянском журнале "Про-Армения". Реакция Герцля в "Дневниках" была характерной: "Бернард Лазар опубликовал... чудовищно вульгарную заметку против меня по поводу обмена поздравлениями между сионистским конгрессом и султаном. Какой интерес, помимо широкого жеста, мог он преследовать, защищая армян?". [Nelly Jussem-Wilson. Bernard Lazare's Jewish Journey: Jewish Social Studies, 26 July 1964, p. 165.] А будущий первый президент государства Израиль Хаим Вейцман в письме к своей невесте в 1902 г. сообщал: "меня был длинный разговор с (Эдуардом) Бернштейном и его дочерью в Берлине. Я дал ему нагоняй за то, что он берет под покровительство дело армян, а не еврейское дело". [Leonard Shtein, ed. The Letters and Papers of Chaim Weizmann. London: Oxford University Press, 1968, Series A, Vol. I, p. 389.]

Можно привести пример другого порядка. Один из армянских деятелей придерживался просионистской ориентации. Речь идет о британском бизнесмене, выходец из персидских армян Джеймсе Аратуне Малькольме, бывшем архивариусе Армянской патриотической ассоциации. В опубликованном в июле 1896 г. письме Малькольм отметил то важное значение, которое будет иметь для будущего Армении создание предполагаемого еврейского государства. Он также определил причины невыполнения решений Берлинского конгресса об армянских реформах, выдвинув предположение, что султан сбил Дизраэли с толку

соблазнительной приманкой:

"Тем, кто в течение многих лет работал на Армению и имел возможность узнать, что происходило за кулисами, очень хорошо известно, что было реальной причиной невыполнения печально известной сейчас статьи 61 Берлинского конгресса. Нет сомнения, что в то время, когда было подписано это международное соглашение, (Англия)... предполагала, что обещанные реформы, по крайней мере, будут внесены на рассмотрение администрации армянских провинций...

Но турок, как всегда коварный, хотя и ослабленный и брошенный на лопатки, намекнул лорду Биконфильду (Дизраэли), что и в Палестине можно было бы создать автономную область, если бы только султану дали время на проведение этой добровольной акции. А кто, в самом деле, будучи на его месте, не клюнул бы на такую приманку? Введение реформ соответственно было отложено на неопределенный срок". [Fraenkel. Lucien Wolf and Theodor Herzl, p. 11, quoting Malcolm's letter published in the Observer (July 6).]

Мы склонны предположить другое. Не турки, а русские сионисты, или тот же лорд Дизраэли, или еще кто подал идею о том, что если турки согласятся на создание в Палестине автономии для евреев, то пусть Англия, в свою очередь, не поддержит требования о проведении реформы в армянских областях, как это предусматривал § 61 Берлинского конгресса.

После Сан-Стефанского договора последовало англо-турецкое секретное соглашение от 4 июля 1878 г. Англия обязалась защитить целостность Османской империи, а взамен турки уступили ей остров Кипр. Как бы то ни было, эта идея зародилась до Берлинского конгресса и была взята на вооружение Т. Герцлем.

Премьер-министр Англии лорд Биконфильд (Дизраэли) оказался для армянского народа поистине злым духом. Именно он на Берлинском конгрессе добился замены статьи 16 Сан-Стефанского мирного договора от 3 марта 1878 года на статью 61 Берлинского трактата, в силу которой большая часть Турецкой Армении, по вышеуказанной статье 16 переходившая к России, продолжала оставаться в составе Турции.

Этим было положено начало будущим страшным трагедиям армянского народа, что признавали сами английские деятели в годы Первой мировой войны. Так, член парламента лорд Брайс говорил: "Английский

народ повинен перед армянами; не замени мы на Берлинском конгрессе 16-ю статью русско-турецкого договора злополучной 61-й статьей, Россия давно бы присоединила Армению к своим владениям, освободив многострадальный армянский народ из-под ига варварской Турции; Англия обязана искупить свои грехи перед армянским обществом". Другой член парламента — А. Уильяме в своей книге об Армении писал о том же: "Державы должны отдать дань справедливости Армении и искупить свой грех бездействия и равнодушия к ней в течение последних сорока лет... Англия особенно должна думать о ней, ибо ответственность английского народа и правительства велика: если Армения так сильно пострадала, то это результат позиции, занятой Англией при составлении Берлинского трактата 1878 г.". Таким образом, проводившуюся кабинетом Дизраэли политику можно характеризовать как протурецкую, антирусскую и антиармянскую. Турки же вообще полагали, что не будь русской ориентации армян, то русские вообще не появились бы в Закавказье.

Подобных примеров можно найти множество, но достаточно приведенных, чтобы убедиться в том, что кто придерживался протурецкой ориентации, неизбежно оказывался на противоположной стороне баррикад по отношению к России, к ее политике по вопросу турецкой Армении. На самом деле, с тех пор как Т. Герцль выработал программу ориентации на Турцию, сионизм стал враждебной силой в разрешении восточного вопроса.

Сионисты всемерно стремились "во всем насолить" России и занимали враждебную позицию по отношению ко всем тем, кто придерживался русской ориентации. Д. Пасманик, развивая идеи своего вождя, прямо говорил о том, что сионисты должны всемерно "укрепить Оттоманскую империю, сделать ее более сильной в борьбе против притязаний различных держав". Нет сомнения в том, что речь идет о притязаниях России в отношении Турецкой Армении.

Но турки не пошли на большие уступки евреям. Первому сионистскому дипломату ничего не оставалось, как прибегнуть к тактическому маневру. На третьем конгрессе (1899 год) Т. Герцль провозгласил новый лозунг — чертер. Он сказал: "Все наши усилия направлены на то, чтобы получить от турецкого | правительства чертер, под суверенитетом султана. Лишь когда мы будем обладать этим чертером, который должен содержать в себе необходимые публично-правовые гарантии, мы сможем начать большую практическую колонизацию". [Д-р Л. Пасманик. ук. соч., с. 5.]

5. ЧЕРТЕР И КОНЦЕССИЯ

Это никак не согласовывалось с первоначальным требованием Герцля. Один из делегатов конгресса, д-р Вернер, тут же прерывает председателя и спрашивает его, представляет ли это новшество сужение базельской программы или же оно только указывает первый шаг на пути реализации сионистского идеала, т.е. выражает ли программу сионистов вообще или же только программу-минимум. "Это лишь,— отвечает Герцль,— ближайший практический шаг, который мы думаем предпринять и от которого мы страстно ожидаем, чтобы он нам удался и чтобы он содержал то, что мы понимаем под словом публично-правовые гарантии". [Д-р Л. Пасманик. ук. соч., с. 6.]

Уточним само понятие чертер. Он может быть международно-правовым и внутригосударственным. В первом случае чертер означает, что одна или группа великих держав гарантирует право того или иного народа на независимое существование на определенной признанной территории. Во втором случае государство само предоставляет своим гражданам определенные гарантированные политические или фискальные привилегии.

Т. Герцль не мог добиться публично-правовых гарантий от великих держав. Вот тогда он прибег к понятию чертера в плане внутригосударственном, в надежде таким путем заполучить согласие правителей Турции. Но дело в том, что сионисты не могли рассчитывать на получение чертера и во внутригосударственном понимании по той простой причине, что евреи не являлись гражданами Турции и не составляли часть империи, как, скажем, македонцы и армяне. Евреи практически не жили в Турции. "Мы не на турецкой земле, — говорил Пасманик, — мы еще не связаны со страной материально, а эта связь составляет тот субстрат, на котором может появиться политически-фискальный чертер".

Пасманик предлагает сионистам "вступать в переговоры с турецким правительством не ради каких-то "чертеров", а для того, чтобы получить самую широкую концессию, но только концессию... Пусть подобная концессия называется "турецким чертером": нам важно не имя, не форма, а нам важна сущность, содержание. Но всякому должно быть ясно следующее: с названием чертер связана гарантия, а "турецкий

чертер" может содержать только публично-правовые привилегии, но не, гарантии". [Д-р Л. Пасманик. ук. соч., с. 10, 11.]

Д-р Пасманик вовсе не отказывается от достижения подлинного чертера в его международно-правовом понимании. Но решение этого вопроса он оставляет на долю "дипломатического сионизма", а сам предлагает второй путь — путь прямых переговоров с Турцией только по вопросам концессии. "Ни инертные ожидания чертера, — говорит он; — ни накопление общественных сил исключительно в диаспоре не могут создать связывающего звена между настоящим и будущим". При этом он призывает учесть опыт Македонии и армян. [Там же, с. 14, 15.]

Не трудно заметить, что между рассуждениями Пасманика и Герцля нет противоречий. "Концессия или чертер — лишь вопрос тактики и реальных возможностей, но не более, — говорит Пасманик и утверждает, что приобретение концессий является в высшей степени социально-политическим актом не только для них, но и для всех великих держав, которые для этой цели употребляют "не только весь аппарат дипломатии, но иногда всю тяжелую армию". Он предлагает евреям жить в Палестине под турецким деспотическим гнетом, чем в России, Румынии и Галиции. "Лучше страдать в собственной стране, там, где она уверена, что наступит день приобретения полного собственного отечества, чем в странах голуса, где она вечно остается чужой". [Там же, с. 19, 22.]

Не все сионисты соглашались с ним. "Вы хотите перехитрить Турцию?— говорили они. — Вы хотите ее убаюкивать концессиями, как-будто она не понимает, что вы стремитесь к реализации Базельской программы? Как вы наивны? Если она отказала Герцлю в чертере, то она вам откажет в концессиях". На это Пасманик весьма резонно ответил: "Ни для кого не тайна, что турецкое правительство, отказав Герцлю в чертере, предложило ему кое-что другое, — правда, не соответствующее требованиям базельской программы, но нечто достаточное для начала работы. Герцль отказался от этого предложения, но факт тот, что вполне зная цели и стремления сионизма, Турция не думала стать во враждебные отношения к сионизму. И всем умникам, знающим подноготную турецкого правительства, мы можем сказать одно: попробуем... Мы убеждены в том, что наступит время — и оно недалеко, - когда Турция признает, что сионизм никогда, ни при каких условиях не может ей, как государству, повредить, что обновленная Палестина, обновленная капиталом и трудом, может только укрепить оттоманскую империю, сделать ее более сильной в борьбе против

притязаний различных держав, но необходимо дать Турции доказательство того... ". [Д-р Л. Пасманик. ук. соч., с. 22, 23.] В 1902 г. сионисты организовали "Еврейский колониальный трест", вся деятельность которого была направлена на "мирный захват Палестины". Но Турция этому не благоприятствовала. Правда, переговоры продолжались вполне "в дружественной атмосфере", но турки не давали согласия на "чертер", не отменяли запрещение на въезд евреев в Палестину. Султан явно не хотел создавать новое государство в центре своей обширной империи. С 1881 по 1908 гг. из Восточной Европы (России, Австрии, Румынии) эмигрировало 2 млн евреев, из них 1 млн 160 тыс. в Америку, почти 300 тысяч — в Западную Европу и только 26 тысяч — в Палестину.

Подобный оборот дела заставил сионистов искать решение проблемы другими путями. Появилась, например, идея образовать в Новом Свете "самостоятельную политическую единицу, хотя бы вроде еврейского штата в общем союзе Соединенных Штатов, что было юридически вполне возможно". [Chaim Weizmann. Trial and Error. New York, Schocken Books, 1966.]

Выдвигались проекты относительно Ганы, Аргентины и других стран. Герцль заключил соглашение с английским министерством колоний о том, чтобы Уганда стала национальным очагом для евреев. Однако все эти проекты были отвергнуты шестым конгрессом (1903 г.) в пользу страны, всегда бывшей для евреев "землей обетованной", — Палестины. "Палестинская работа скоро заняла первенствующее место в нашей программе и тактике, как СРЕДСТВО и как цель в одно и то же время,— пишет сионист М. Гликсон, — как СРЕДСТВО палестинская работа приобрела в наших глазах большое политическое и национальное значение ВО ВНЕ и ВО ВНУТРЬ. Она стала для нас БАЗИСОМ нашей политической работы по отношению к Турции,] арабскому населению страны и Европы. Нам стало ясно, что только наша созидательная работа в стране может образовать вокруг нас необходимую атмосферу благожелательности и уважения, может легитимировать наши исторические притязания на Палестину. Внутри же палестинская работа стала нам дорога и как самоцель, как начало самого осуществления идеала". ["Сафрут", кн. 2, с. 29.]

Осуществлением задач "во внутрь и во вне" занимался "специальный исполнительный орган" с "родственными учреждениями сионизма", как пишет М. Гликсон. Если в задачу вовнутрь входила покупка и парцелляция земель, культурно-просветительная и прочая работа, то во вне — найти язык с теми, кто

контролировал или в дальнейшем мог контролировать.

И тогда сионисты вошли в контакт с оппозиционными подпольными силами Турции в надежде, что те, придя к власти, будут более сговорчивыми, чем султан.

[начало](#)

6. СИОНИЗМ И ПАРТИЯ "ЕДИНЕНИЕ И ПРОГРЕСС"

XIX век был веком дальнейшего и прогрессирующего ослабления мировой колониальной империи османских турок. Причину подобного явления сам Герцль находил в том, что "Турция — страна, которая стала великой благодаря войне, которая держалась благодаря войнам, и погибнет при нынешнем дорогом стоящем вооруженном мире. Когда пришло время, которое мы прежде признавали водоразделом истории, — время новых изобретений, это государство не сумело примениться и принять участие в них и, таким образом, постепенно падало". [Теодор Герцль. Указ соч., с. 187.] Подобное заключение он сделал после того, как дважды побывал в этой стране. Как только Герцль вступил на турецкую землю, перед его взором открылась "удручающая картина". После Болгарии он попадает "в дикую страну". Болгария была куда более развитая и культурная. В Турции он не видит даже похожего на то, что называется прогрессом. И Герцль делает вывод, что турецкое государство не в состоянии "перенести тяжесть нынешнего мира".

Подобное заключение нужно было Герцлю вовсе не для того, чтобы делать затем выводы о неизбежности краха этой лоскутной империи, а для того, чтобы наметить путь для ее спасения. План Герцля заключался в том, чтобы укрепить экономику Турции, улучшить работу ее продажного государственного аппарата с помощью еврейского капитала в надежде на то, что взамен этого султан уступит сионистам Палестину. "Если бы его величество султан дал нам Палестину,— пишет Т. Герцль в своем "Еврейском государстве",— мы за это могли бы взять на себя полное урегулирование турецких финансов". О судьбе этого плана — особый разговор. Теперь речь идет о том, что эта колониальная империя переживала трудное время. Всему миру было ясно, что турецкое государство не могло долго править народами, которые по культуре стояли выше самих угнетателей.

При симпатии и поддержке мирового общественного мнения встали на путь свободного развития балканские народы. Ждали часа свободы от турецкого ига народы Арабского Востока, а также армяне, курды, айсоры и другие. Правящие круги Османской империи были охвачены страхом и тревогой. Надо было принять срочные меры для спасения "больного". Образование партии "Единение и прогресс" явилось выражением этого явления.

Само название оппозиционной партии как бы говорило о стремлении объединить части многонационального государства и идти по пути прогресса. Младотурки (европейское название членов партии) мыслили превратить Османскую империю в буржуазное конституционное монархическое государство, чтобы предотвратить ее раздел.

Партия "Единение и прогресс" (по-турецки "Иттихад ве теракки") была основана в 1894 году воспитанниками константинопольского военного училища — Назымом, Ушак Сукути и другими. Однако активную деятельность она развернула после 1905 г., когда руководящий комитет перебазировался в Салоники (Македония).

Следует сказать, что во второй половине XIX в., наряду с другими европейскими веяниями, в Турцию проникает франкмасонское учение "мировой революции" и "мировой республики". С переброской организационного центра в Салоники начинается "тесный контакт" иттихадистов с франкомасонскими ложами. Многие салоницкие франкмасоны вступили в "Единение и прогресс", высокое положение занял в ней депутат от еврейского населения города Эммануэль Гарсу, гроссмейстер ложи "Macedonia".

В руководящий состав партии, помимо других, входили Энвер, Талаат, Джемал, Кемаль и вышеупомянутый сионист Эммануэль Гарсу. Этим лицам суждено было сыграть важнейшую роль в дальнейшей судьбе Турции.

Опираясь на армию, дислоцированную в Македонии, и используя финансы, которыми снабжали их еврейские банкиры [Мевлан заде Рифат. Темные пласты турецкой революции. Изд. 2, Бейрут, 1968, с. 84 (на арм. яз., пер. с турецкого).], младотурки в июле 1908 года совершили государственный переворот и провозгласили Турцию конституционной монархией, а в апреле 1909 года низложили режим султана Абдул Гамида II после неудачной попытки его сторонников вернуть утраченные позиции.

В 1911-1912 гг. младотурки вели неудачную войну с Италией. Воспользовавшись этим, либеральная партия "Свобода и согласие" захватила власть. Но ненадолго. В январе 1913 г. младотурки вернули ее себе. В стране установилась диктатура лидеров партии "Единение и прогресс" - так называемого младотурецкого триумvirата (Энвер-паша, Талаат-паша и Джемал-паша).

Сионисты всегда поддерживали младотурок (тесные связи между ними не прервались даже после краха Османской империи в Первой мировой войне и бегства Энвера, Талаата и других главарей из Турции). Когда сионисты окончательно убедились в невозможности официального признания со стороны турецкого султана их прав на организацию в Палестине еврейского национального очага, они пытались добиться своей цели с помощью комитета "Единение и прогресс", действовавшего тогда подпольно против султана. Об этом весьма подробно рассказывает один из бывших деятелей партии Мевлан заде Рифат в книге "Темные пласты турецкой революции". Автор - известный журналист — принимал участие в секретных совещаниях своей партии, имел широкие связи с турецкими правящими кругами.

Мевлан заде Рифат вспоминает, как в 1901 году в Константинополь приезжает сионист Эммануэль Гарсу. Ему удается через дворцовых чиновников беев Ариффа и Аасипа 17 октября 1901 г. получить аудиенцию у Абдул Гамида. Во время приема Гарсу обращается к султану с пространной речью, в которой от имени сионистского центра прямо предлагает султану дать официальное разрешение на образование в Палестине для евреев "местного самоуправления". За это он обещает перечислить на текущий счет владыки 5 миллионов. Подобная грубая, бесцеремонная "просьба", хотя и смиренно высказанная, не могла не возмутить повелителя Турции. Эммануэлю Гарсу предложили ни с чем покинуть дворец. Ариф-бей получил строгое предупреждение. Напуганный, он в тот же вечер покидает столицу и отправляется в Египет.

После неудачной миссии Гарсу в 1901 г. сионисты пришли к заключению, что поставленная перед ними цель может быть достигнута только после крушения существующего в Турции режима. Тогда-то они и вошли в контакт с деятелями "Единения и прогресса", оказывали им большую денежную и организационную помощь. Как уже упоминалось, Эммануэль Гарс оказался в салоникском центральном комитете партии (впоследствии, после ее прихода к власти, он играл важнейшую роль в определении внешнеполитической ориентации Турции).

Спустя несколько лет Эммануэль Гарсу вновь прибыл в константинопольский дворец, но на этот раз с торжествующим лицом, с гордо поднятой головой — он был в составе делегации, которая заставила султана отречься от престола.

Но и после прихода младотурок к власти решение Палестинского вопроса затягивалось. Сионизм, центр которого находился в Германии и ориентировался на нее, был кровно заинтересован в том, чтобы Турция вошла в военно-политический блок с немцами. Тогда последние смогут повлиять на нее с тем, чтобы она пошла на удовлетворение сионистских идеалов.

Благожелательность новых турецких правителей и содействие Германии позволили сионистам завоевать прочные позиции в Палестине, создать там много населенных пунктов, училищ и школ. В 1912 г. в Хайфе было заложено здание, которое впоследствии стало самым крупным высшим техническим учебным заведением в государстве Израиль. Накануне войны в Палестине проживало до 125 тысяч евреев. Правда, сионисты не добились своей главной цели, но и не теряли надежды, что Турция рано или поздно уступит им. К тому же мировой горизонт предвещал грозу. В этих условиях надо было выработать свою стратегию: с кем быть, в каком лагере — в лагере Германии и ее союзников или в блоке Антанты? Большинство сионистов избрало Германию и Турцию с тем, чтобы последняя стала уступчивей при торге за Палестину, а заодно чтобы насолить царской России. Немцы хорошо понимали это и всячески поощряли деятельность немецких сионистов.

Сразу же после начала мировой войны вопрос об участии в ней обсуждался в правительственных кругах младотурок. Энвер настаивал на немедленном заключении союза с Германией и на войне с Россией. "Я верю, — говорил он на одном из секретных совещаний главарей партии "Единение и прогресс", что потерю Македонии мы восполним с лихвой, поскольку стальные армии Германии будут с нами. Не только Македония, но и Кавказ и Египет окажутся под управлением партии "Иттхаад ве теракки". Мы превратим Турцию в самую мощную империю мира". [Мевлан заде Рифат. Темные пласты турецкой революции. Изд. 2, Бейрут, 1968, с. 11.]

Когда же два немецких военных корабля прорвались через Средиземное море и Дарданеллы и укрылись в

порту турецкой столицы, младотурки окончательно распоясались. Они "купили" эти корабли: немецкие "Габен" и "Бреслау" превратились в "Эвуз" и "Митилли" с турецкими флагами. Немецкие матросы и морские офицеры во главе с немецким адмиралом переоделись в турецкую форму. Через несколько дней корабли вошли в Черное море и вскоре стали обстреливать Одессу и другие русские прибрежные города. Энвер, Талаат, Джемал и их сионистские друзья добились своего: Турция вступила в войну на стороне Германии.

[начало](#)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ У АРМЯН И СИОНИСТОВ

1. ПЛАН САЙКСА-ПИКО

Войну начали страны Центрального союза — они были уверены в победе. Антанта, естественно, стремилась ослабить противника и делала все возможное, чтобы Турция не вступила в войну на стороне немецкого блока. Россия предлагала Порте гарантию трех держав относительно территориальной неприкосновенности, изъявив готовность пойти на обсуждение любой дипломатической комбинации, на видоизменение системы капитуляций в качестве первого шага к их полной отмене. Сазонов даже хотел "привлечь Порту" к Антанте, Пуанкаре писал, что Россия пытается вести Турцию "по следам" Антанты. Эдуард Грей утверждал, что было "сделано все возможное, чтобы Турция легко и даже с пользой для себя могла оставаться нейтральной". [Готлиб В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М., 1960, с. 58.] Английский посол в Константинополе Маллет предупредил великого везиря, что "если Турция окажется настолько безрассудной, что бросит вызов державам Тройственного согласия, то это будет означать конец Оттоманской империи". [Кемаль М. Путь новой Турции, т. I, с. XXI.]

В ответ на эти предложения и предупреждения держав Согласия турки стали лавировать. Когда 5 августа 1914 г. Энвер-паша заявил генералу Леонтьеву, что "Турция сейчас ни с кем не связана и будет действовать сообразно со своими интересами", то он попросту вводил его в заблуждение. "Когда немецкие военные корабли "Габен" и "Бреслау" вошли в Мраморное море, - пишет президент Франции Пуанкаре, — Энвер-паша

делал вид, что внимательно слушает Гирса и его предложения о союзе". [Пуанкаре Р. На службе Турции. М., 1936, с, 45.]

За три дня до разговора Энвсра с русским генералом, т.е. 2 августа, был подписан в Константинополе германо-турецкий союзный договор, согласно которому Турция и Германия обязались оставаться нейтральными в австро-сербской войне. Однако статья 2 договора гласила: "В случае активного военного вмешательства России будет этим создан "казус федерис" (союзные обязательства) для Германии по отношению к Австро-Венгрии, и этот "казус федерис" будет также обязателен для Турции". Так как Германия объявила войну России 1 августа, то вопрос о "нейтралитете" уже отпал, и на самом деле уже 3 августа Турция Начала мобилизацию всей армии. Четвертого августа, то есть за день до разговора Энвера с Леонтьевым, Вангенгейм телеграфировал в Берлин: "Гире до сих пор думает о сохранении нейтралитета Турции, что облегчает Турции Использовать Черное море для мобилизации". [Там же, с. 427.] Эти и подобные факты свидетельствуют о том, что Энвер, Талаат и Джемал чаши сознательно делали ставку на войну. "Ни одно государство,— утверждает Черчилль,— не вступило в мировую войну с такой охотой, как Турция". [Черчилль V, Мировой кризис. М.-Л., 1932, с. 242.] Турецкие диктаторы хотели превратить свою страну в самую мощную империю мира. Они планировали включить е нее всю среднюю и восточную часть России. "Младотурки,— пишет В. Гурко-Кряжин,- мечтали о движении на Астрахань, далее через казахстанские степи в Среднюю Азию для объединения под своей гегемонией магометанских народов Азии". [См. предисловие к книге М. Кемалю, указ, изд.. с. XXXVII.]

Турецкие военные корабли стали обстреливать Севастополь. Одессу и другие русские города. Было выпущено следующее воззвание: "Наше участие а мировой войне оправдывается нашим национальным идеалом. Идеал нашей нации... ведет нас к уничтожению нашего московского врага Для того, чтобы благодаря этому установить естественные границы нашей империи, которые включают и объединят все ветви нашей расы". [Готлиб В. Указ. соч. С. 86.]

Державы Согласия не замедлили ответить туркам подобающим образом. Николай Второй 20 октября 1914 г. издал манифест, где между прочим было сказано: "безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее ход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками

исторических задач на берегах Черного моря". [Известия Министерства иностранных дел, кн. V. с. 216. Петроград. 1914.] Русский царь подразумевал не только овладение Дарданеллами, которые извечно считались "ключом от собственного дома Российского", и освобождение Турецкой Армении, но и Армянской Киликии, чтобы Россия могла широкой полосой выйти к теплым морям Мирового океана.

"Единственным средством распространить свое влияние к Средиземному морю,— говорит Е.А. Адамов,— оставалась "независимая" Армения". [Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. Под редакцией Е.А. Адамова. Литиздат НКВД, М.. 1924. С. 90.] Была организована миссия Завриева. Товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов 17 апреля 1915 г. телеграфировал послам в Париже и Лондоне, А.П. Извольскому и гр. А.К. Бенкендорфу: "Армянский деятель русско-подданный, доктор медицины Завриев, известный министерству с наилучшей стороны, выехал во Францию и Великобританию с целью расположить правительства и общественное мнение в независимых странах в пользу осуществления армянских вождедений. Завриев просит ввести его в политические круги и оказать ему покровительство". [Там же, с. 135.]

В ответной телеграмме А.П. Извольский сообщает С.Д. Сазонову, что прибывший Завриев представил ему памятную записку, в которой сказано, "что Россия намерена предложить державам создать в пределах Турции автономную Армению, под сюзеренитетом Турции и под протекторатом трех держав: России, Англии и Франции; территория Армении должна будто бы обнимать не только все армянские вилайеты, но и Киликию с портом на Средиземном море в Мерсине, исключая весь Александреттский залив с юмурталиком". Далее в записке значилось, что, хотя эта программа одобрена русским министерством иностранных дел, во избежание подозрений со стороны Франции и Англии, особенно в вопросе о Киликии, армянские делегаты должны действовать без видимости вмешательства русских послов. Извольский далее сообщает, что ему известно, что доктор Завриев и Погос Нубар-Паша высказывались в смысле вышеизложенного перед членами французского министерства иностранных дел, и просит, чтобы Сазонов уведомил его, "действительно ли эта программа одобрена" и "в какой мере он должен поддерживать ее здесь". Пункт, касающийся Киликии, кажется Извольскому "особенно деликатным, ибо Франция уже заявила нам о своих видах на эту область". [Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. Под редакцией Е.А. Адамова, Литиздат НКВД, М.. 1924. с. 135-136.] Сазонов отвечает Извольскому в телеграмме за N 2307 от 18 мая 1915 г., что беседы с армянами носили "чисто

академический характер". Затем Извольский сообщает Сазонову, что Завриев и Нубар-паша держат его в курсе своих переговоров с французскими правительственными лицами и журналистами с целью склонить тех к принятию армянских пожеланий относительно Киликии. По словам Завриева и Нубар-паши, хотя в министерстве иностранных дел Парижа продолжают настаивать на необходимости для Франции обладать не только Сирией, но и Киликией до Тавра, многие влиятельные лица мало-помалу под влиянием представленных им документов будто бы склоняются к мысли об автономной Армении под тройным протекторатом — России, Франции и Англии, со включением Киликии с городами Адана и Мерсина, но за исключением Александреттского залива. Извольский далее сообщает, что "Нубар-паша подал по этому вопросу Делькассе особую памятную записку, в которой ради охраны самолюбия французов" высказал мысль, что Франция, получив всю Киликию, могла бы по собственному почину уступить Киликию армянам.

На эту телеграмму Извольского Сазонов отвечает на сей раз в совершенно ином тоне: "Если армянским деятелям удастся склонить парижский кабинет ко включению Киликии в состав будущей Армянской области, то императорское правительство может только сочувствовать исполнению желания турецких армян, которым оно искони покровительствовало". [Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. Под редакцией Е.А. Адамова, Литиздат НКВД, №. 1924. С. 138.]

Русский посол в Лондоне Бенкендорф сообщает Сазонову, что его посетил Нубар-паша и рассказал о программе автономной Армении из 6 вилайетов под протекторатом трех держав и что он представил меморандум Делькассе и Никольсону. Сазонов отвечает Бенкендорфу, что образование Армянской автономной области явилось бы естественным развитием исконного благожелательного отношения России, но что окончательного решения на этот счет еще не принято и "все беседы с армянскими уполномоченными носили чисто академический характер". [Там же, с. 138-139.]

Тем временем союзники вели между собой не академические, а весьма реальные переговоры по выработке плана раздела Малой Азии. Вскоре появился на свет проект раздела Азиатской Турции, составленный французом Пико и англичанином Сайксом, между державами Согласия. Армению поделили между Россией и Францией, о ее автономии не было ни слова. Союзники не позволили бы России выйти широкой полосой через Армянскую Киликию к Средиземному морю. В то же время они не могли обидеть Россию требованием

создавать автономию Армении. К России отходили также Босфор, Дарданеллы и Константинополь с прилегающими к ним районами.

Инициатива плана исходила от чрезвычайного уполномоченного британского правительства Марка Сайкса. В письме послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену он рассматривает ряд вариантов "решения армянского вопроса": а) учреждение армянского государства, что предполагает "создание второй Болгарии, интригующей на Кавказе". Марк Сайке это отвергает; б) создание армянского государства под международным контролем. Он и это отвергает, считая, что "Германия рано или поздно извлечет свою выгоду"; в) включение всей Армении в состав России, чего требовали армяне. Но английский дипломат отвергает и этот план. Почему? Потому что это "повлечет за собой включение в русскую политическую систему страны, переполненной революционными обществами, находящимися в постоянных сношениях с существующими революционными организациями на Кавказе и Персии". Что же предлагает англичанин?

Он предлагает передать Франции "бывшую Римскую, или Малую, Армению", а остальную часть — России. "Я считаю, - говорит Сайке, — этот способ наиболее удовлетворительным и давно имел его в виду". Россия получит Эрзерум, Битлис и Ван, с минимальным количеством армянского населения, но зато французская доля будет средоточием "армянского национального чувства. Это крайне выгодно для России, т.к. армяне Малой Армении настроены клерикально и консервативно в противоположность кавказским армянам и армянам восточным, анархо-синдикалистам. Если бы фокусом армянского национального чувства был Эрзерум, анархо-синдикалисты забрали бы в свои руки весь армянский политический механизм и укрепили бы его; при этом же положении умеренные элементы подчинят себе армянские национальные стремления под французской опекой, исходящей из Малой Армении". Во французскую зону англичане включают исторические армянские города Зейтун, Хаджи, Диарбекир, Мейафаркин, Сивас и область, которая управлялась последним армянским королем Леоном VI, а также графство Эдесское эпохи крестовых походов. [Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. Под редакцией Е.А. Адамова, Литиздат НКВД, N.. 1924. с. 158-159.]

Складывалась новая ситуация. Россия теперь имела бы общую границу с Францией. В своей "Всепоподданнейшей записке" царю С.Д. Сазонов сообщает, что новая граница "едва ли может считаться приемлемой. Появление на большом протяжении нашей азиатской границы... великой европейской державы,

хотя бы в настоящее время и союзной нам... должно быть признано нежелательным. Для нас наиболее выгодной была бы общая граница на юге с каким-либо азиатским мусульманским государством, в виде ли арабского халифата, или турецкого султаната". Отметим, что Николай II на записке своего министра сделал пометку: "Согласен. Царское село, 1 марта 1916 г." [Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. Под редакцией Е.А. Адамова, Литиздат НКВД, №. 1924. с. 161.]

А как был решен по плану Сайкса-Пико главный вопрос еврейского национального движения - вопрос о Палестине? Она образовала "особую автономную провинцию под международным контролем". [Там же, с. 160.]

[начало](#)

2. ПРОГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА

Лидеры сионистского движения в своей политике никогда не придерживались какой-то одной четкой ориентации. Теодор Герцль первым показал пример подобной дипломатии. После того как он получил от турецкого повелителя вежливый отказ передать сионистам Палестину для организации там суверенного национального очага, Герцль связался с германским правительством в надежде, что оно заставит султана пойти на уступки. После выхода в свет брошюры "Еврейское государство" автор посылает ее Бисмарку с верноподданническим письмом, в котором свой проект образования еврейского государства представляет "в распоряжение германского правительства. Пусть оно воспользуется им, когда найдет это нужным". После второй встречи с султаном Герцль проводит переговоры с приближенными Вильгельма. [ЦПАИМЛ при ЦК КПСС, ф. 445, оп. I, д. 22, л. 33.] Он прямо предлагает кайзеру взять под свой протекторат "еврейское земельное общество в Сирии и Палестине". Это означало, что евреи становятся прямыми проводниками германских интересов на Ближнем Востоке. Вильгельм II не мог не оценить подобное усердие и, как свидетельствует письмо личного советника кайзера графа Эйленбурга, обнаруженное в 1954 г. в Лондоне, "милостиво согласился" принять еврейскую колонизацию в Палестине под протекторат Германии.

Впрочем, сионисты стучали в двери не только Стамбула и Берлина, но и Лондона, Парижа, Вашингтона и

Петербург. Им удалось привлечь на свою сторону Чемберлена. "Великая свободная Англия, господствующая на всех морях, поймет нас и наши устремления",— говорил Т. Герцль на открытии четвертого сионистского конгресса в 1900 г., а в своем дневнике писал: "В мире находятся примерно десять миллионов евреев... Одним махом Англия приобретает себе десять миллионов тайных, но преданных подданных, которые будут в самых различных сферах действовать для нее во всем мире... Англия приобретет себе десять миллионов агентов, которые будут действовать на благо ее влияния и величия". ["Международная жизнь", 1972, N 4, с. 59.]

С началом Первой мировой войны Базельская программа, на пропаганды, перестала их удовлетворять. Они спешили выработать новую, более конкретную и практичную в плане реализации задачи построения еврейского национального государства программу. Ее успех зависел от правильного выбора объекта ориентации: на кого опираться – на Германию или на страны Антанты? Только государства, одержавшие победу в войне, могли дать сионистам то, к чему те стремились. Надо было быть готовыми к любому развитию событий: исход вооруженного конфликта, да еще мирового масштаба, невозможно предвидеть в начале или середине драмы. Только на завершающей стадии войны можно делать определенные заключения. Поэтому сионисты решили ориентироваться на кайзеровскую Германию, но одновременно не упускать из виду Англию и Россию.

В книге "Родное заселение" Р. Лихтгайм, бывший вместе с В. Якобсоном представителем "германофильской" ветви сионизма в Константинополе в 1913—1917 гг., так объясняет свою ориентацию на Германию: "Центральная Европа, изъясняющаяся на немецком языке, была колыбелью нового сионизма, и местонахождением организованного центра движения явился Берлин. В Турции изо дня в день росло немецкое влияние... В подобном положении открытое сопротивление немецкого правительства могло быть для нас бедствием, чреватым тяжелыми последствиями всем нашим усилиям в Константинополе и нашей поселенческой работе в Палестине. Поэтому я считал своей особой обязанностью подвести немецкое правительство к более дружественной для нас позиции".

В водоворот Первой мировой войны втягивались все новые и новые страны. И с каждым днем становились все более очевидными финансовые, дипломатические и иные возможности мирового сионизма. Вот почему обе враждующие стороны были не прочь заполучить его поддержку. Особое усердие проявили деятели

кайзеровской Германии. По словам премьер-министра Великобритании Ллойд Джорджа, верховное командование и правительство Германии раньше, чем страны Антанты, учли силу мирового сионистского движения. "Немцы,— говорит он,— первые поняли, что можно воспользоваться распыленностью еврейской нации для военных целей". [Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах. М., 1957, с. 285.] Поэтому власти Германии покровительствовали сионистам и поощряли их деятельность. Немецкое посольство в Константинополе, к примеру, предоставило в распоряжение бюро Лихтгейма свою телеграфную службу и дипломатических курьеров.

Сионисты, в свою очередь, ревностно служили немецким интересам. По словам Ллойд Джорджа, "не кто иной, как евреи помогли германской армии сломить в Польше гнет царизма... Евреи пользовались влиянием и в других странах, в особенности в Америке, где некоторые их могущественные лидеры оказали воздействие на президента Вильсона, сдерживая его стремление сблизиться с союзниками". В ответ на такое содействие "Германский генеральный штаб в 1916 г. настаивал, чтобы турки уступили сионистам в вопросе о Палестине"? (выделено нами. — А.С.). [Там же.]

[начало](#)

3. ТРАНСФОРМАЦИЯ СИОНИСТСКОЙ СТРАТЕГИИ

Таково было положение в 1916-1917 гг. Дела у немцев шли куда лучше, чем у англичан и французов. Немецкие войска разгромили румын, нанесли сокрушительное поражение итальянцам при Капоретто. Русская армия утратила свой наступательный порыв. Французская армия была истощена и потеряла способность к крупномасштабным операциям. Многие корабли английского флота были потоплены немецкими подводными лодками, а английская сухопутная армия не могла померяться силами с немецкой.

Чтобы добиться перелома, по мнению британского премьер-министра Ллойд Джорджа, необходимо было принять срочные меры, среди которых одна из важнейших — завоевание симпатии и дружественного расположения сионистов. А добиться того, чтобы сионисты переменили немецкую ориентацию на англо-французскую, возможно было лишь путем удовлетворения их требований относительно создания

национального очага в Палестине.

Об этом историческом периоде швейцарский ученый Симон Жарки пишет следующее: "Сионистские организации уже проявили себя как сила, способная внести вклад в военные действия союзников. Но центр сионистского движения находится в Германии; надо срочно переместить его с территории враждебной державы. Лондон, вероятно, рассчитывал, что, пойдя навстречу устремлениям сионистов и благодаря влиятельности американских евреев, он вернее добьется поддержки Соединенных Штатов и вовлечет их в войну на своей стороне". [Симон Жоржи. Война и мир в Палестине. "Международная жизнь", 1970, N 1, с. 125.]

То же самое говорит Ллойд Джордж в своих мемуарах, опубликованных на несколько десятков лет раньше, чем написанный на основе новых данных труд швейцарского ученого-ориенталиста Симона Жарки. Глава британского правительства с помощью сионистов хотел направить "общественное мнение России и Америки" в нужное для Англии, Франции и их союзников русло, поскольку евреи в этих странах "имеют значительное влияние". От евреев США, в частности, он ожидал "помощи еврейских банкиров, так как союзники почти истощили свои золотые и валютные запасы для оплаты закупок в Америке. Теперь "их могущественные лидеры" не только не будут оказывать "воздействие на президента США, сдерживая его стремление сблизиться с союзниками", а наоборот, будут ускорять вступление Соединенных Штатов в войну против Германии. [Ллойд Джордж. Указ соч., с. 289.] Что же касается сионистов, проживающих в России, то Ллойд Джордж возлагал на них не менее серьезные надежды. Но об этом речь пойдет ниже.

Дело перемещения "центра сионистского движения" из Берлина в Лондон оказалось не столь трудным по той причине, что в Англии проживал ряд влиятельных еврейских националистов, в том числе химик Хаим Вейцман, богач лорд Ротшильд, один из лидеров русских сионистов Н. Соколов и другие. Особенно важным лицом был ученый Вейцман, ставший фактическим лидером сионизма после Теодора Герцля. Он был автором нового способа производства ацетона и других важных научных работ, которые, по признанию англичан, спасли Англию от надвигающейся катастрофы, вызванной нехваткой древесного спирта, необходимого для производства бездымного пороха. Таким образом, Хаим Вейцман был известным в Англии человеком и пользовался большим влиянием в правящих кругах. Не менее важной персоной являлся и лорд Ротшильд. Вот с ними Ллойд Джордж быстро нашел общий язык. Идея премьер-министра была горячо поддержана министром иностранных дел Бальфуrom, лордом Милиером, лордом Сессилем и генералом

Смэтсом.

Итак, правительство Ллойд Джорджа желает вырвать инициативу у правительства Вильгельма, идя навстречу пожеланиям сионистов в отношении Палестины. Начало переориентации последних с Германии на Англию, как нам кажется, было положено в марте 1916 г. В секретных документах министерства иностранных дел царской России, опубликованных после Октябрьского переворота, имеется любопытный документ, свидетельствующий об этом. В марте 1916 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов получает памятную записку от посольства Великобритании в Петрограде. В ней говорится, что от статс-секретаря министерства иностранных дел лорда Грея получена телеграмма, в которой сообщается, что Люсьен Вольф довел до сведения правительства его величества вопрос о поселении евреев в Палестине.

Люсьен Вольф, английский журналист, неоднократно избиравшийся председателем и вице-председателем еврейского общества в Англии и впоследствии представлявший интересы сионистов на мирной конференции в 1919 году, так определял их устремления в Палестине: "Если в результате войны Палестина попадет в сферу французских и великобританских интересов, французское и великобританское правительство не преминут принять в соображение исторические интересы еврейства в этой стране. Оба правительства обеспечат еврейскому населению равные с остальными жителями политические права, религиозную и гражданскую свободу, те муниципальные привилегии в колониях и городах, которые представляются необходимыми, а также разумные льготы для колонизации и эмиграции". [Раздел Азиатской Турции... С. 162.]

Кому же принадлежит инициатива переориентации сионизма с германского блока на страны Антанты — Ллойд Джорджу или лидерам сионизма? Возможно, она была обоюдной. Еще до обращения Люсьена Вольфа происходили, как мы полагаем, секретные переговоры между сторонами. Содержание обращения Вольфа свидетельствует также, что сионисты строго руководствуются принципами Теодора Герцля: в отличие от дашнаков они выступают не простыми просителями, а в роли "высоких договаривающихся сторон" по принципу взаимных обязательств. В словах Вольфа и лорда Эдварда Грея просматриваются такие обязательства. Грей был в курсе того, как союзники с подозрением следили за деятельностью сионизма в пользу германского блока. Ему вдруг стало "ясно, что путем использования сионистской идеи могут быть достигнуты важные политические результаты. В число их будет входить обращение на сторону союзников

еврейских элементов на Востоке, в Соединенных Штатах и в других местах, элементов, настроенных в настоящее время в значительной части враждебно делу союзников".

И не случайно в сжатых словах Вольфа, по существу, предлагается формула, как мы увидим ниже, будущего сионистско-английского соглашения, именуемого декларацией Бальфура. Что же касается Грея, то он не имел никаких возражений касательно вышеприведенной формулировки, но в то же время уведомил господина Вольфа, что должен обсудить этот вопрос с союзными правительствами и что это дело встретит сочувственное отношение со стороны правительства его величества. Сообщая по телеграфу вышеизложенное, сэр Эдвард Грей предписывает британскому послу в Петрограде сэру Дж. Бьюкенену испросить у русского правительства серьезного отношения к этому вопросу и удостоить его в возможно скором времени сообщением русской точки зрения.

Так было положено начало переориентации сионистской стратегии и тактики с Германии на страны Согласия. При этом сионисты продолжали сохранять хорошие отношения с Турцией.

В памятной записке С.Д. Сазонова французскому и британскому послам в Петрограде, М. Палеологу и сэру Дж. Бьюкенену, относительно Палестины сообщалось, что Россия согласится на всякий проект, обеспечивающий всем православным учреждениям, находящимся в Святой земле, свободное отправление своего культа, равно как и сохранение их прежних прав и привилегий, и "не выставит никаких принципиальных возражений против поселения еврейских колонистов в этой стране". [Раздел Азиатской Турции... С. 163-164.]

В инструкции, относящейся к миссии Жоржа Пико, комиссара Франции на оккупированных территориях Палестины и Сирии, председатель Совета Министров и министр иностранных дел Франции А. Рибо рекомендовал, чтобы тот самого начала работы в Палестине оказал евреям широкое покровительство и дал им понять новое положение, призывая их к самостоятельному управлению своими общинами и к участию в управлении страной. Новая политика, проводимая по отношению к евреям, найдет глубокий отклик не только среди их единоверцев, живущих в странах Согласия и нейтральных странах, но даже среди тех, которые находятся в странах неприятельских. "Поэтому в наших интересах, - писал Рибо, — дать им почувствовать, как можно шире, то, что союзники намерены сделать для них на земле, с которой их связывает тысячелетнее прошлое и куда некоторые из них желали бы получить возможность вернуться для создания собственных

учреждений". [Раздел Азиатской Турции... с. 311.]

В феврале 1917 г. в России произошла революция, в марте в Петрограде было сформировано Временное правительство. Министром иностранных дел был назначен П.Н. Милюков. В циркулярной телеграмме за N 967 он сообщал послам России о произошедшем в стране событии и заявлял, что Временное правительство остается верным принятым на себя союзным обязательствам как в вопросе о продолжении войны, так и в отношении заключенных соглашений. Таким образом, во внешней политике России не произошло никаких изменений.

Какую позицию занимал Милюков относительно событий в Палестине? В телеграмме за N 1699 от 29 апреля 1917 г. на имя поверенного в делах в Лондоне К.Д. Набокова он сообщил о возможности того, что англичане в ближайшее время займут Иерусалим. По его сведениям, французское правительство уже распорядилось об отправлении особого отряда для участия в совместном с англичанами занятии города. "Ввиду этого,— говорит далее П. Милюков,— мы считаем необходимым и участие нашего отряда в международной оккупации Иерусалима и святых мест, где у нас имеются интересы первостепенной важности". Он считает, что такой отряд мог быть выделен из состава русских войск, находящихся на македонском театре военных действий. [Там же, с. 324]

Большой интерес представляет телеграмма Набокова за N 358 от 26 мая 1917 г. министру иностранных дел М.Н. Терещенко, занявшему этот пост 18 мая. Из еврейских организаций "международного характера,— говорит Набоков,— в Англии действует только одна - сионистская. Она представлена двумя союзами и Английской сионистской федерацией", а также "Орденом древних Маккавеев". По мнению Гирса, руководство политическими делами сионизма сосредоточено, главным образом, в руках Федерации и за время войны влияние сионистов в Лондоне сильно возросло. Кроме эмигрантов, к ним примкнули "представители высшего европейского круга, как лорд Ротшильд, Роберт Самуэль, главный раввин империи и другие". [Раздел Азиатской Турции... с. 335.]

Становится очевидным, что еврейское движение добивается от мирной конференции передачи управления Палестиной в руки сионистской компании для колонизации края и воссоздания в нем своего национального

центра. Компания по этой программе должна быть организована на демократических началах, представляя собой как бы "парламент еврейского мира".

Затем Набоков сообщает, что в случае, если мирная конференция найдет необходимым одновременно с учреждением еврейской компании установить над Палестиной протекторат какой-либо великой державы, то английские сионисты решительно встают на сторону Англии. Они всеми силами противятся протекторату Франции, опасаясь католизации, навязывания французской культуры. Сионисты одновременно решительно выступают против идеи кондоминиума и, в особенности, против раздела Палестины на две сферы влияния, французскую и английскую.

Набоков далее указывает, что в связи с сионистским движением обсуждается вопрос о формировании еврейского легиона в составе английской армии для участия в завоевании Палестины. "Проект этот,— говорит Набоков,— пользуется поддержкой английского министерства иностранных дел и военного министерства, но не может быть окончательно решен впредь до разрешения общего вопроса о соглашении с Россией о военнообязанных, большинство которых евреи. Когда этот вопрос решится, сформирование легиона поступит на обсуждение Военного кабинета". [Там же, с. 334-335]

С прибытием в Лондон Н. Соколов становится руководителем сионистского Центра в Англии. Ему была поручена разработка первого варианта текста соглашения с правительством Англии. Об этом рассказывает один из видных сионистских деятелей Б. Гольдберг в статье "На пути к еврейской государственности". Проект, составленный Н. Соколовым, был пересмотрен в комиссии, куда входили Х. Вейцман, Ахад-Гаам и Б. Гольдберг. Затем он был передан в редакцию английской комиссии в составе Н. Соколова, Х. Вейцмана, М. Гастера и других. Новый вариант соглашения или, как именуют его сионисты, программы предстояло еще согласовать и получить одобрение органов русских и американских сионистов. Эта программа затем была одобрена со стороны политической комиссии, куда входили Н. Соколов, Х. Вейцман, Е. Членов, Л. Брандейс. Только после этого она легла в основу официальных предварительных переговоров с представителями Англии, США, Франции, Италии, России. О своем намерении заключить специальное соглашение с сионистами правительство Англии ставило в известность заинтересованные страны, и после получения от них согласия оно приступило к официальным переговорам с сионистами.

Переговоры между уполномоченным представителем английского правительства сэром Марком Сайксом и сионистами начались 7 февраля 1917 г. Со стороны последних пригласили: Н. Соколов, Х. Вейцман, М. Гастер, Роберт Самуэль, лорд Вальтер Ротшильд, Джемс Ротшильд, Г. Бонтвич, Г. Сакер и Ж. Коуэнь. Было решено, что сионистские требования должны быть представлены всем воюющим державам, в первую очередь союзным с Англией. С этой целью в апреле 1917 г. Н. Соколов был командирован сначала в Париж, а затем в Рим. Он начал с того, что привлек на свою сторону видных представителей еврейских общин с тем, чтобы те повлияли на свои правительства в нужном для сионизма духе. И он не ошибся. В Париже "громкую помощь" оказал ему барон Эдмонд Ротшильд, такого же успеха он достиг и в Риме.

Интересная деталь. Известно, что те еврейские круги, которые придерживались теории космополитизма, выступали против политического сионизма, считая, что он может нанести только вред еврейскому населению диаспоры. Казалось, эти круги должны были сейчас поднять голос протеста. Но этого не случилось. Гольдберг пишет, что Н. Соколову в Париже удастся добиться "у ассимиляторов, главенствующих в парижских еврейских учреждениях, воздержания от всякого вмешательства, которое могло бы иметь только отрицательное действие". [Сафрут, кн. 1, с. 124.] Так обстояло дело и в Англии, Италии и других странах.

Будучи в Риме, Соколов по инициативе английских дипломатов имел также аудиенцию у папы, как главы католического мира, по вопросу о святых местах. Везде он находил поддержку. Французское и итальянское правительства благосклонно отнеслись к сионистским требованиям. Подобную же позицию заняло правительство США. При этом, как свидетельствует тот же Б. Гольдберг, в активном приобщении к сионизму политического мира США самую крупную роль сыграл верховный судья и один из виднейших государственных деятелей Америки, глава американских сионистов Луи Брандейс. Русские сионисты также добились поддержки своих требований со стороны Временного правительства. Не случайно известный сионистский деятель Макс Нордау в работе "Двадцать лет сионизма" писал, что после февральской "славной революции" новые "правители... слушают нас" и что "только мы являемся законными представителями еврейского народа". [Сафрут, кн. 2, с. 11, 15.]

[начало](#)

4. БИТВА ЗА СИОНИЗМ

Итак, вслед за Германией за дело взялась и Англия, а залась, говоря словами Ллойд Джорджа, "битва за сионизм": если до этого сами сионисты искали поддержки у великих держав, то теперь положение изменилось, эти державы сами "стали повсюду усиленно ухаживать за сионистами". [Ллойд Джорж. Указ. Соч., с. 289.]

Надо было спешить. Немцы могли опередить англичан и французов в этом своеобразном соперничестве за влияние на сионистов. "Германский генеральный штаб, отличавшийся широким кругозором, еще в начале 1916 г. подчеркивал, что имеется большой смысл обещать евреям восстановление Палестины на основе соглашения сионистов с турками, подкрепленного гарантией Германии". Правда, турки неохотно шли на это, и немецкому правительству приходилось действовать осторожно. Ллойд Джордж отмечает, что "турки были слишком глупы, чтобы понимать, или слишком ленивы, чтобы пошевелиться". И все же этот немецкий план, говорит он, "отнюдь не был отвергнут или хотя бы отложен, и союзники могли в любой момент увидеть, что их опередили". [Ллойд Джорж. Указ. Соч., с. 289.]

К тому же турки рано или поздно должны были преодолеть свою "глупость и лень". Надо было действительно спешить.

Но для спешки была еще одна, более веская причина.

Западные страны пристально следили за событиями в России. Уже в 1915 г. они пришли к убеждению в неспособности царской России вести победоносную войну и, чтобы заинтересовать ее, англичане и французы заключили с Россией выгодные для нее "соглашение 1915 г. о проливах" и "соглашение Сайкса-Пико" в 1916 г. Февральская революция не могла успокоить правителей Запада, которые хорошо были осведомлены о деятельности большевиков и не исключали возможности их победы. Англичан сильно беспокоил вопрос о том, "не откроют ли евреи ворота России перед немецкими войсками, как делали их далекие предки в Испании перед маврами...". "В равной степени и немцы ясно осознавали тот факт, что евреи России приобрели значительное влияние в большевистских кругах" (The Germans were equally alive to the fact that the Jews of Russia wielded considerable influence in Bolshevik circles),— отмечал Ллойд Джордж. [David Lloyd George. The Truth about the Peace Treaties. Vol. II, London, 1938, 1119, 1120.] Надо было

заручиться поддержкой тех сил и элементов, которые могли действовать в России в новых условиях. Факты подтверждают, что так называемая "битва за сионизм" разыгралась особенно остро среди великих держав именно в этот период.

Немецкое верховное командование и правительство, полагая, что сионистское движение было особенно сильно в России и Америке, хотели, чтобы оно было направлено на то, чтобы не допустить вступление США в войну на стороне союзников и оказание им финансовой помощи. Противоположных целей добивались страны Антанты. Обо всем этом более подробно рассказывает британский премьер-министр во втором томе своей книги "Правда о мирных договорах". В специальном разделе, озаглавленном "Еврейское влияние в России", он говорит о двух целях союзников. Первая цель заключалась в том, чтобы сломить блокаду центральных держав до того, как они потопят суда держав Антанты и отрежут их от источников продовольствия и сырья, и, во-вторых, добиться ускорения военных приготовлений США, чтобы в решающую кампанию 1918 года союзники могли получить нужное подкрепление со стороны американских войск. "При разрешении этих двух задач,- продолжает Ллойд Джордж,- немалую роль должно было играть общественное мнение России и Америки, и в то время мы имели все основания думать, что дружественное или неприязненное отношение к нам евреев в этих странах может иметь для нас существенное значение". [Ллойд Джордж. Указ. Соч., с. 287-288.]

Затем автор мемуаров говорит о том, что вопрос о снабжении продовольствием и сырьем зависел от политики России и доброй воли ее народа и что англичане не хуже немцев понимали, что русская армия не будет больше принимать участия в войне, это было очевидно всем. Но лидера антигерманской коалиции беспокоил другой вопрос: когда именно Россия заключит с Германией мир и каким будет этот мир? Время имело большое значение для тех и других, а условия и характер мира между Германией и Россией — еще большее.

Будет ли этот мир таким, что откроет для Германии возможность получать хлеб, нефть и медь из грандиозных естественных запасов скромной и богатой страны, или же это будет непрочное соглашение, препятствующее немцам пополнить свои ресурсы за счет России? В самом деле, если расчеты немцев оправдаются, то англичане и их союзники самое большее могут надеяться на то, что война еще продлится

год-два и зайдет в тупик. А если Германия просчитается, то есть "битва за сионизм" будет выиграна странами Атланты, то есть английская блокада принесет свои плоды: центральные державы будут лишены необходимых ресурсов, а немецкая воля к борьбе и сила сопротивления - сломлены. "Усыновление дружественных отношений России с Германией, - обобщает свои мысли британский премьер, - означало не только увеличение запасов продовольствия и сырья в Германии и Австрии, но и сокращение германских и австрийских войск на Восточном фронте и увеличение их численности на Западном". Речь шла о тщательно продуманной стратегии недопущения выхода России из войны.

Сионисты не были безгласными агентами той или иной страны, они действовали по принципам торговли: я предлагаю вам то, взамен требую это. Теодор Герцль когда-то утверждал, что еврейский "большой мир" перейдет в его лагерь и что на его "стороне будут все духовенство, короли и императоры". И вот в переломный период всемирной истории все коронованные и некоронованные владыки не случайно стремились "всячески завоевать симпатию сионистов". "Общество евреев" Герцля стало неотъемлемой частью глобальной стратегии ведущих стран.

[начало](#)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БАЛЬФУРСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ И ЗАГАДКИ БРЕСТ-ЛИТОВСКА

1. ДОЛГОЖДАННОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Соперничество между немцами и англичанами за влияние на сионизм особенно усилилось летом 1917 года. Именно тогда министр иностранных дел Великобритании Бальфур с благословения Ллойд Джорджа вступает уже в официальные переговоры с лордом Ротшильдом. Третьего сентября того же года английский военный кабинет на специальном заседании правительства обсуждал переписку между Бальфуром и Ротшильдом по вопросу о политике, которой надлежит держаться по отношению к сионистскому движению.

Когда перед английским правительством встал вопрос об опубликовании декларации Бальфура, то против выступил только один человек — еврей по национальности, богач-"космополит" Монтэгю. Он в английских кругах был известен как убежденный и непримиримый враг сионизма. Он полагал, что подобная декларация может повредить интересам евреев диаспоры. Некоторые возражения против чрезмерных требований сионистов сделал лорд Керзон. Однако настоятельные дипломатические и военные соображения в конце концов заставили всех прийти к единодушному решению. Даже Монтэгю отказался от своих возражений и признал целесообразность декларации с военной точки зрения.

Все препятствия были преодолены. Военный кабинет утверждает предложение правительства о заключении с сионизмом особого соглашения, формально именуемого "Декларацией Бальфура". Однако военный кабинет пожелал до ее опубликования заручиться поддержкой американского президента Вильсона. С этой целью лорд Бальфур совершает поездку в США. Через несколько недель он с удовлетворением сообщил кабинету, что "президент Вильсон чрезвычайно благоприятно относится к сионистскому движению". Аналогичные заверения поступили и от правительств Франции и Италии. Бальфур одновременно информирует британских министров о том, что германское правительство продолжает принимать меры к тому, чтобы "привлечь сионистское движение на свою сторону", и что необходимо спешить. [Ллойд Джорж. Указ. Соч., с. 288-289.] Итак, сионистские дипломаты добиваются успеха, поскольку их цели совпали с явными или тайными интересами великих держав. Второго ноября 1917 года один из лидеров английских сионистов лорд Ротшильд получает письмо следующего содержания:

"Мой дорогой лорд Ротшильд!

Я весьма рад послать Вам от имени правительства Его Величества следующую декларацию, выражающую симпатии к еврейским сионистским стремлениям, которая была обсуждена и одобрена кабинетом. Правительство Его величества выражает благожелательное отношение к созданию в Палестине национального центра для еврейского народа и приложит все усилия к осуществлению этой цели. При этом определенно предусматривается, что ничего не будет предпринято, что могло бы нанести ущерб гражданским и религиозным правам живущего в Палестине нееврейского населения или правам и

политическому положению евреев в других странах.

Я буду Вам благодарен, если доведете настоящую декларацию до сведения Сионистской Федерации. Искренне Ваш Артур Джеймс Бальфур". [Сафрут, кн. 1. с. 126-127. В книге Ллойда Джорджа данный текст приводится в несколько ином, отредактированном виде, - см. указ. Соч., с. 299-300.]

Интенсивные переговоры лидеров мирового сионизма с руководителями британского правительства привели к обоюдному соглашению. Оставалось определить время его подписания и опубликования.

Англо-сионистское соглашение имело не только политическое, но и чисто военное значение. Вот почему выбор момента для обнародования документа оказался делом непростым. В период работы Временного правительства опубликование подобного документа не могло дать нужного эффекта. Россия и так продолжала войну. После Октябрьского переворота к власти пришли новые деятели. Советская республика объявила о своем намерении выйти из войны. Германия согласилась вести переговоры по этому вопросу. После отказа стран Антанты вести переговоры о мире Россия дала согласие на сепаратные переговоры с Германией о заключении мира. Английский военный кабинет и выбрал первые дни после Октябрьского переворота как подходящее время для подписания и опубликования своего соглашения с сионистами, известного в истории под наименованием Бальфурской декларации.

На заседании военного кабинета выступил министр иностранных дел Бальфур, Он заявил: "по моим сведениям, в настоящее время все согласны с тем, что с чисто дипломатической и политической точек зрения желательно опубликовать какую-либо декларацию, благоприятную для еврейских националистов... Если мы выступим с декларацией в пользу этих идей, мы сможем развить в высшей степени полезную для нас пропаганду как в России, так и в Америке". [Лloyd Джорж. Указ. Соч., с. 300.]

Англо-сионистское соглашение зиждилось на взаимных обязательствах, как это обычно бывает при заключении любого подобного соглашения. Англичане обещают "заложить в Палестине фундамент еврейского государства", а "сионистские лидеры со своей стороны... сделают все, чтобы объединить евреев и обеспечить союзникам поддержку евреев во всех странах". Что же подразумевалось под этой поддержкой?

Прежде всего предполагалось, что российские сионисты окажут "давление на Советское правительство в

пользу продолжения войны" [ЦПАИМЛ при ЦК КПСС, ф. 445, оп. 1, д. 22, л.35.] и добьются такого положения, при котором по меньшей мере затянут заключение советско-германского соглашения о мире и тем самым не дадут Германии и Австрии сократить войска на Восточном фронте и увеличить их численность на Западном, не позволят также странам Центрального договора "получить хлеб, нефть и медь из грандиозных естественных запасов этой огромной и богатой страны". [Ллойд Джорж. Указ. Соч., с. 288.]

Во всем этом общественное мнение, созданное сионистами в пользу стран Антанты, должно было сыграть большую роль. И вот, чтобы создать подобное "общественное мнение", и было решено, по рекомендации сионистов, обнародовать Бальфурскую декларацию.

Это было сделано восьмого ноября 1917 года по решению английского военного кабинета. Военный кабинет Англии специально обсудил также вопрос о положении в Палестине в связи с соглашением Сайкса-Пико и декларацией Бальфура. Дело в том, что участок территории, подлежащий включению в состав "национального очага", входил в ту часть арабской земли, которая согласно договору Сайкса-Пико, переходила к Франции. Следовательно, надо было искать способ для преодоления этого препятствия.

Что это действительно было так, свидетельствует и телеграмма главы американского сионистского центра Луи Брандейса в адрес лидера английских сионистов Вейцмана. Брандейс - один из тех влиятельных представителей большого мира еврейской буржуазии США, кто во многом содействовал вовлечению Америки в мировую войну на стороне Антанты и обеспечил приток капитала в Англию.

Член Верховного суда США Брандейс имел большое влияние в высших сферах Америки. Достаточно сказать, что. По утверждению Ллойд Джорджа, президент США Вильсон "находился всецело под влиянием Брандейса". Телеграмма Брандейса поступила в Лондон в момент спора в отношении определения границ Палестины. В телеграмме говорится: "Пожалуйста, передайте премьер-министру Ллойд Джорджу следующее послание от меня и от всех, кто связан со мной участием в сионистской организации Америки. Мои единомышленники телеграфируют мне из Парижа, что на конференции по рассмотрению договора с Турцией Франция настаивает на условиях соглашения Сайкса-Пико. Если и в этом споре французы возьмут верх, это сорвет полное осуществление обещаний о еврейском очаге, так как соглашение Сайкса-Пико делит страну,

несколько не считаясь с историческими границами и фактической потребностью в разумных северных и восточных границах, необходимых для самостоятельного существования общины и экономического развития страны... Я позволю себе выразить надежду, что государственные деятели христианских наций сдержат перед Израилем свое торжественное обещание, изложенное в Ваших заверениях, справедливо решить вопрос о границах Палестины". [Ллойд Джордж. Указ. Соч., с. 331-332.]

Отказ от соглашения Сайкса-Пико во многих аспектах был весьма выгоден для англичан. Ллойд Джордж все время считал соглашение Сайкса-Пико "непростительной ошибкой" английской дипломатии, "глупейшим документом", открывающим доступ России к незамерзающим морям мирового океана, чему Англия всегда противилась. Она постоянно искала повода для денонсирования соглашения. Его надо было "сжечь". В свойственном ему образном стиле Ллойд Джордж в своих мемуарах утверждает, что до конца 1917 года союзные державы не имели других планов в отношении Палестины, кроме нашего выражения в соглашении Сайкса-Пико. И только в 1917 году "идеи освобождения Палестины... превратились в библейский огненный столп, указывающий им пути. Соглашение Сайкса-Пико сгорело в этом огне".

Любопытный факт. Несколько позже на заседании восточной комиссии военного кабинета Великобритании подробно обсуждалось положение в Палестине в связи с декларацией Бальфура, а также вопрос о мандате и державе-мандатории. В своем выступлении лорд Керзон заявил, что за декларацией Бальфура "последовала весьма значительная иммиграция евреев в Палестину... Сионисты полностью воспользовались открывшейся перед ними возможностью (в дальнейшем они намерены воспользоваться ею еще полнее)". Добавим, что к тому времени уже было достигнуто соглашение Троцкого с Талаатом, что и позволило сионистам полнее воспользоваться этой возможностью.

На заседании комиссии выступил генерал Макдоноф. "На мой взгляд,— сказал он,— при обсуждении вопроса о Палестине самое важное не топографическое сходство ее с Сирией или какой-нибудь другой страной, а то, что она, по выражению Бальфура, является национальным очагом еврейского народа и поэтому в ней заинтересованы евреи всего мира. Мне приходилось встречаться со многими сионистами, и позавчера один из них сказал мне, что если еврейский народ не получит того, что он требует в Палестине, то все евреи станут большевиками и будут поддерживать большевизм во всех странах, как они это делали в России".

После выступления генерала лорд Роберт Сесил язвительно заметил: "Хотел бы я посмотреть, как Ротшильд шествует во главе большевистской демонстрации".

Был оглашен меморандум сионистов Верховному совету, первый пункт которого гласит: "Высокие договаривающиеся стороны признают историческое право еврейского народа на Палестину и право евреев создать в Палестине свой национальный очаг". Затем выступил лидер английских сионистов д-р Вейцман. "От имени народа, терпевшего мученические страдания в течение восемнадцати столетий, Сионистская ассоциация требует, чтобы, как только будет подписан мир, она могла немедленно сказать своим собратьям по религии на Украине, в Польше и в других частях Восточной Европы, что некоторые из них будут переправлены в Палестину для поселения на тех землях и что для еврейства в Палестине открываются многообещающие перспективы". [Ллойд Джорж. Указ. Соч., с. 304, 310, 315.]

Бальфурская декларация была поддержана всеми лидерами Антанты и союзниками Англии из арабских стран.

Наряду со сближением и заключением англо-сионистского союза продолжалось сближение для заключения турецко-сионистского союза.

[начало](#)

2. ПЕРЕГОВОРЫ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ

Лидеры Лондонского центра еврейского национального движения после Октябрьского переворота в России выдвинули две задачи: а) добиться передачи Турцией евреям суверенитета над Палестиной, чтобы заложить фундамент еврейского государства; б) не допустить выхода новой России из войны, не позволить немцам перебросить войска с Востока на Запад и пользоваться огромными сырьевыми ресурсами России.

В Брест-Литовске разыгралась та театральная постановка, целью которой было выполнение этих двух директив из Лондона. Троцкому была уготована роль исполнителя решений Лондонского центра

относительно Германии (никакого мира, принудить ее к возобновлению войны с Россией) и Турции (во что бы то ни стало добиться соглашения).

Нельзя сказать, что этот гениальный дипломатический спектакль был плохо задуман и отрепетирован, но исполнители играли грубо. Любопытно отметить, что сам Троцкий на VII съезде партии жаловался на то, что позиция Иоффе-Троцкого "во время брест-литовских переговоров изображается нашими полусознательными друзьями как игра с заранее predetermined решением". Это выражение в свое время употребил и Ленин. В выступлении на заседании ЦК 24 января 1918 г. он говорил, что одно течение в германской социал-демократии обвиняет людей, ведущих переговоры в Бресте, что они подкуплены и что сейчас "в Бресте происходит комедия с заранее распределенными ролями". Другая часть считает их поведение "психологической загадкой". [VII экстренный съезд РКП(б). М., 1962, с. 67, 242.]

Спектакль состоял из трех актов. В первом выступил усердствующий ученик Троцкого Иоффе, во втором — сам Троцкий, в третьем — троцкист Сокольников.

Главным советником советской делегации на переговорах в Бресте был "теоретик" по странам Востока М. Павлович (Вельтман). В своей автобиографии он рассказывает, как на второй день после Октябрьской революции получил распоряжение Троцкого раздобыть и передать тому строго секретные дипломатические документы из царских архивов. За рекордно короткий срок Павлович выполняет задание, и Троцкий публикует их "во всей русской и международной прессе. Работа моя над разработкой этих документов продолжалась до начала Брестской конференции, куда был командирован в качестве эксперта". [ЦГАОР СССР, ф. 5402, оп. I, ед. хр. 3, л. 1.]

Среди этих секретных документов важнейшим был договор Сайкса-Пико 1916 года, по которому Англия и Франция соглашались после победы передать России Константинополь, проливы Босфор и Дарданеллы, а также области Эрзерум, Трапезунд, Ван, Битлис и часть Курдистана. Опубликование секретного соглашения, разумеется, вызвало ликование Энвера, Талаата и Джемала, и последний выступил в Бейруте двадцатого ноября 1917 года с похвальной речью по адресу тех, кто обнародовал эти документы.

Так и было "сожжено" соглашение Сайкса-Пико. Народный комиссар по иностранным делам Троцкий в своем

обращении "Всем, всем, всем" выдвинул лозунг "Долой старые тайные договоры и дипломатические приписки" и провозгласил честную, открытую дипломатию. [ДВП СССР, т. 1, с. 12.] А двадцатого ноября 1917 г последовало обращение Ленина и Сталина к мусульманам России и Востока, где говорится: "Тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя ныне порвать и уничтожить. Республика Российская и ее правительство - Совет народных комиссаров против захвата чужих земель. Константинополь должен остаться в руках мусульман. Мы заявляем, что договор о разделе Турции и отнятии у нее Армении порван и уничтожен". [Там же, с. 34-35.]

Одним росчерком пера советское руководство отказалось от вековой мечты России получить доступ к теплым морям мирового океана.

Лорд Керзон считал присутствие турок в Константинополе "злокачественной опухолью, которая отравляет жизнь Европы", и предлагал ее вырезать. Большевики предлагают спасти империю Османа. Западная Армения, освобожденная русскими войсками, вновь передается во власть турок. Россия против того, чтобы арабский мир отпал от Турецкой империи. Троцкий не без ведома Ленина издает приказ о выводе русских войск с Кавказского фронта. Это был единственный фронт откуда ушли русские войска.

Знаменитый армянский поэт, общественный деятель В. Терьян представляет СНК проект декрета об Армении с просьбой оставить в Западной Армении "необходимое количество русских войск". [Музей литературы и искусства Армении им. Чаренца, ф. В. Терьяна, 166, д. 289.] В принятом ленинском "Декрете о Турецкой Армении" не было учтено это предложение. Зато 13 декабря 1917 г. Ленин распоряжается передать туркам хранящийся в Государственной публичной библиотеке "священный коран Османа" и через три дня, вновь возвращаясь к этому вопросу, требует от наркома просвещения А. Луначарского немедленно привести в исполнение распоряжение относительно "священного корана Османа". [В.И. Ленин Биохроника. Т. V., с. 114-120.]

Эти официальные акты обосновывались утверждением о "прогрессивности младотурецких революционеров", тем, что они стали "жертвой русского колониального империализма". В роли их защитников выступили М. Павлович, К. Радек и многие другие. Все эти лица становясь туркофилами, одновременно

становились армянофобами.

Таково было положение, когда Иоффе был назначен руководителем советской делегации для ведения переговоров с немецким блоком.

[начало](#)

3. ТОРГ ЗА КУЛИСАМИ

Судя по всему, миссия Иоффе носила предварительный, ознакомительный характер и не преследовала цели заключения мира.

Переговоры велись на пленарных заседаниях и на так называемой "политической комиссии" — на объединенном заседании советской, германской, австро-венгерской, болгарской и турецкой делегации, но в основном — между делегациями отдельных стран.

Судя по всему, отношения делегации Четверного союза с представителями Советской России носили дружелюбный характер. Вот что об этом рассказывает сам А. Иоффе: "Германия жаждала сепаратного мира с Россией. Она предпринимала в этом направлении ряд шагов еще при царизме. Теперь она поддерживала иллюзии чисто делового характера переговоров". [Мирные переговоры в Брест-Литовске. Полный текст стенограммы под редакцией и с примечаниями А.А. Иоффе (В. Крымского), с предисловием Л.Д. Троцкого. М., НКВД, 1920, т. 1, с. 341.]

Казалось бы, что могло быть лучше? Надо было только использовать "германскую жажду сепаратного мира с Россией" и вступить в активное обсуждение вопроса с тем, чтобы добиться наивыгоднейших условий мирного соглашения.

На этом этапе переговоров все шло гладко. Советско-германские делегации согласовали ряд вопросов будущей мирного договора, такие как восстановление дипломатических и консульских отношений, ликвидация враждебных действий в экономической области и многие другие.

На объединенном заседании политической комиссии 14 декабря немцы огласили свой проект мирного договора, состоящий из шестнадцати статей. Четырнадцать из них были уже в основном согласованы с советской делегацией на предыдущих заседаниях. Две статьи были выдвинуты впервые и относились к территориальным вопросам. Эти статьи вызвали споры.

Обращаем внимание читателей на следующее: немцы не выдвигают никаких требований об уходе русской армии из Турции, с Ближнего Востока вообще. Они только настаивают на уступке Риги и ряда островов Рижского залива и выделяют проблему Польши и Прибалтики.

Германия готова, говорится в 1-й статье, при условии полной взаимности по отношению к ее союзникам, как только мир будет заключен и демобилизация русской армии закончится, очистить теперешние позиции и занятые русские области.

2-я статья говорит о том, что так как российское правительство, в соответствии со своими принципами, провозгласило для всех без исключения народов, входящих в состав Российского государства, право на самоопределение, вплоть до полного отделения, то оно принимает к сведению заявления, в которых выражена воля народов, населяющих Польшу, Литву, Курляндию и части Эстляндии и Лифляндии, об их стремлении к полной государственной самостоятельности и к выделению из Российской Федерации.

Иоффе принимает заранее заготовленное решение... прервать переговоры. Тогда немецкая делегация предложила созвать на следующий день новое заседание. На нем договор был уже зачитан без двух статей, затрагивающих территориальные вопросы. Однако Иоффе не сделал попытки использовать создавшуюся ситуацию. Об этом он пишет так: "Наша делегация не вступила в обсуждение германских предложений, а только заслушала их и приняла к сведению". [Мирные переговоры в Брест-Литовске. Полный текст стенограммы под редакцией и с примечаниями А.А. Иоффе (В. Крымского), с предисловием Л.Д. Троцкого. М., НКВД, 1920, т. 1, с. 243.]

Таков финал переговоров Иоффе с представителями австро-германского блока. А каковы результаты

переговоров с турецкой делегацией? Ответ на этот вопрос в какой-то степени можно найти только в выступлении Ибрагима Хакки-паши на последнем пленарном заседании, состоявшемся 15 декабря.

"Сегодня,— говорил Хакки-паша,— было совместное заседание русской и турецкой делегаций, и я вынес впечатление, что вопросы, касавшиеся России и Турции, найдут себе счастливое разрешение. Это хороший результат. Работа, которую совершили за эти шесть дней, как мне кажется, заслуживает похвалы. Мы с ней справились очень быстро. За достижение таких благоприятных результатов мы обязаны благодарить русскую делегацию, которая в течение этих тяжелых переговоров обнаружила много прямотушия, справедливости и практического смысла. Господа представители русской делегации показали, что они настоящие представители демократии и вместе с тем отличные дипломаты и государственные деятели". [Мирные переговоры в Брест-Литовске. Полный текст стенограммы под редакцией и с примечаниями А.А. Иоффе (В. Крымского), с предисловием Л.Д. Троцкого. М., НКВД. 1920, т. I, с. 39-40.]

Дифирамбы по адресу А. Иоффе со стороны турецкого представителя, как нетрудно заметить, выходят за рамки обычной дипломатической вежливости. Правда, Хакки-паша был рекомендован фон Кюльманом как "лучший дипломат Европы": он отличался тем, что, подобно знаменитым кинематографическим актерам, мог плакать настоящими слезами, когда требовалось. И все же он не мог войти в роль настолько, чтобы сказать подобное по адресу Иоффе, если бы не имел на то более веского основания.

А оснований было более чем достаточно. Турки не могли не быть признательными Троцкому за опубликование договора Сайкса-Пико, не благодарить за отаз от "ключей от дома Российского", за отказ от Западной Армении. Но трудности еще оставались. Немцы в своих требованиях к России не ставят даже вопроса об уходе русских войск с территории Турции, а ведь русские уступки необходимо обусловить Брестским соглашением. Хакки-паша, возможно, выдвигал и другие требования. В опубликованном первом томе книги "Переговоры в Брест-Литовске" (второй по сей день не издан), разумеется, нет подобных стенографических записей. Иоффе мог действовать только за кулисами, а не на официальных переговорах. И все же из выступления Хакки-паши можно заключить, что здесь были заложены основы будущих советско-турецких отношений. Стороны с полным пониманием относились друг к другу. Бесспорно и то, что Иоффе и Хакки-паша подготовили необходимые условия для встречи на высшем уровне между Талаатом и Троцким.

4. ТРОЦКИЙ И ФОН КЮЛЬМАН

Иоффе прибыл из Брест-Лиунска в столицу перед Новым годом, доложил Троцкому - народному комиссару по иностранным делам - об итогах переговоров с немецким блоком. СНК заслушал доклад Троцкого о ходе мирных переговоров 7 января. Доклад был принят к сведению, назначена комиссия, которая в спешном порядке должна была обсудить и наметить основные положения будущего договора с Германией. [ЦПА, ф. 19, д742, л. 1.] Мы не знаем, кто вошел в состав этой комиссии, не знаем и ее заключения и рекомендаций. Известно одно: руководителем советской делегации для ведения дальнейших переговоров в Брест-Литовске был назначен Троцкий.

Перед отъездом Троцкий преподнес туркам еще один подарок — не без ведома Ленина издал приказ о демобилизации русской армии с Кавказского фронта, вопреки воле и интересам армянского народа.

И еще. Он встретился с бывшим вице-консулом в Москве Б. Локкартом. После того как английский военный кабинет принял декларацию Бальфура. Локкарт был направлен в Москву. "Вы поедете в Россию,— сказал ему премьер-министр Великобритании,— как специальный представитель... вам дается свобода действия". Задача Локкарта заключалась в том, чтобы совершенно легально делать все, чтобы не допустить сепаратного соглашения России с Германией.

Прибыв в январе 1918 года в Россию и узнав, что Лев Троцкий возглавил советскую делегацию на переговорах в Брест-Литовске, Локкарт остался весьма доволен. "Я был удовлетворен,— говорил он,— что именно он продолжает Брестскую конференцию... я был удовлетворен потому, что я знал его. Он был нечто вроде "примадонны". [Чубарьян Д.О. Брестский мир. М., 1964, с. 158, 161.]

Переговоры в Бресте возобновились 9 января и длились целый месяц, до 10 февраля.

Троцкий великолепно сознавал, что немцы на самом деле заинтересованы в мире. "Секрет поведения

Кюльмана,— говорил он,— состоял в том, что этот господин был искренне убежден в нашей готовности играть с ним в четыре руки. Он рассуждал при этом приблизительно так. России мир необходим. Большевики получили власть благодаря своей борьбе за мир. Большевики хотят удержаться у власти. Это для них осуществимо только при условии заключения мира". [Троцкий Л.Д. От Октябрьской революции до Брестского мира. Харьков, 1924, с. 129.]

На первом же заседании мирной конференции 9 января 1918г, первым взял слово статс-секретарь по иностранным делам фон Кюльман. Он заявил, что германское правительство присоединилось к советской формуле мира при условии, что она будет также принята и правительствами Антанты. Затем обращается к Троцкому с вопросом, согласен ли тот признать правомочия делегации украинской Рады вести переговоры отдельно от Советской России? Казалось бы, ответ должен быть только отрицательным, но нет, Троцкий заявляет, что "не имеет никаких возражений против участия украинской делегации в мирных переговорах".

На вопрос Кюльмана: "Вы, г-н Бронштейн, признаете право украинской республики на самостоятельное участие в мирных переговорах, но как вы представляете при этом ее границы?" — Троцкий отвечает: "Это неважно, это — вопрос деталей". [Русские ведомости, 9 марта (24 февр.) 1918 г.]

Таков был первый "деловой" шаг Троцкого в Брест-Литовске. Идя навстречу некоторым пожеланиям немцев, он в то же время делал все для того, чтобы сорвать заключение мира. Причем действовал грубо и вызывающе. В своих воспоминаниях Людендорф, говоря о поведении Троцкого в тот период, указывает, что тон его "становился все агрессивнее, хотя за собой он уже не имел никакой реальной силы; он более и более ставил нам условия. Он угрожал отзывом русских делегатов.

Переговоры не двигались с места. Таким образом, каким они велись в Бресте, вообще нельзя было добиться мира". [Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1917 гг. М., 1924, т. II, с. 127.]

Именно в это время генерал-фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф посетили рейхсканцлера и заявили ему по поручению самого Вильгельма, "что на Востоке следовало бы как можно скорее добиться ясности. По военным соображениям желательно скорее заключить мир с Россией, чтобы иметь возможность распоряжаться войсками на Востоке, Если переговоры с Россией будут сорваны, то было бы желательно, во

всяком случае, заключить скорее мир с Украиной". [Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания рапальских документов министерствами иностранных дел СССР и ГДР. М., 1968, т. I, с. 127.]

Выступления Троцкого не нашли должного отражения в записях конференции, как и выступления Л.Б. Каменева, но, судя по заключительному выступлению Сокольников, Троцкий и Каменев требовали от немцев ни много ни мало, как права вести свободную "агитацию, направленную против правительств Четверного союза и против их военных властей". Немецкий генерал Гофман пишет: "На следующий день по приказу Троцкого его зять Каменев произнес речь, от которой у всех сидевших за столом офицеров кровь ударила в голову. Эта речь была исключительно нахальна, и русские могли ее произносить только в том случае, если бы германская армия была разбита и русские войска победоносно вступили бы на германскую территорию". [Гофман М. Записки и дневники 1914-1918 гг, Л., 1929, с. 129.]

О полемике между Троцким и Гофманом А. Самойло рассказывает: "На заседаниях Троцкий всегда выступал с большой горячностью, Гофман не оставался в долгу, и полемика между ними часто принимала очень острый характер. Гофман обычно вскакивал с места и со злобной физиономией принимался за свои возражения, начиная их выкриками "Я протестую!". Нападки Троцкого были опасны для переговоров о мире". [Самойло А.А. Две жизни. Л., 1963. с. 219-222.]

Фельдмаршал Гинденбург дал распоряжение командованию Восточным фронтом о том, что "если русские будут дальше затягивать переговоры, то их надо прервать и возобновить военные действия. Это привело бы к свержению большевистской власти". [Людендорф Э. Указ, соч., с. 129.]

Четырнадцатого января Кюльман предъявил советской делегации условия мира: войска Германии и ее союзников остаются в оккупированных ими областях. На заседании политической комиссии 18 января Гофман продемонстрировал карту, где была определена граница, на которую они претендовали. По словам военного представителя советской делегации капитана Линского, граница по этому проекту в общих чертах проходила к востоку от Моонзундского архипелага и города Риги, несколько западнее города Двинска, около местечка Видзы и далее Брест-Литовска. Линия эта была проведена только к северу от Брест-Литовска.

Границу южнее Брест-Литовска, по заявлению генерала, предполагалось обсудить сепаратно с делегатами украинской Центральной Рады.

Формально это был тот же проект, оглашенный немецком делегацией ранее, когда руководителем советской делегации был Иоффе. Этот проект состоял из 16 статей, которые, за исключением первых двух, были уже тогда согласованы. В дальнейшем почти все дискуссии вращались вокруг германского проекта первых двух статей мирного договора, где были сформулированы условия, касающиеся границ и судьбы оккупированных немцами территорий. Советская сторона требовала, чтобы их очищение от немецких войск происходило параллельно с демобилизацией русской армии, а германская — чтобы эвакуация была отложена до заключения всеобщего мира и чтобы советская сторона признала законными решения "представительных" учреждений в Прибалтике.

Дальнейшее развитие событий таково: 3 февраля Кюльман и Чернин выехали в Берлин для получения новых инструкций. 4 февраля в Берлине проходило совещание германской делегации с верховным командованием. Затем 5 февраля состоялись переговоры в имперской канцелярии между представителями Германии и Австро-Венгрии. На этом совещании Людендорф заявил: "Я бы приветствовал прекращение перемирия с Россией. Тогда бы мы предприняли военные операции". И далее утверждал, что разрыв с Троцким приведет к возобновлению военных действий и к падению большевистского правительства. Словно идя навстречу немецким пожеланиям, Троцкий на заседании политической комиссии 7 февраля дал очередной "артиллерийский залп" по немецким позициям. Вот что об этом рассказывает в телеграмме на имя рейхсканцлера Кюльман: "Троцкий предоставил одному из членов своей делегации (К. Радеку. — А. С.) зачитать длинный документ, который по наглости и демагогичности намного затмил собой все, до сих пор сделанное русскими". Затем Кюльман говорит, что все это "дало как графу Чернину, так и мне возможность говорить с Троцким более категоричным и угрожающим языком". [Советско-германские отношения... С. 298.]

Да, немцы жаждали мира на Востоке. И поскольку Троцкий не шел на это, они впервые выдвинули вопрос о Турции с тем, чтобы осуществить давление на Россию. До того дня немцы держали турок на задворках. Как свидетельствует сам Иоффе, "Болгария и Турция в Брест-Литовске почти никакой роли не играли". ["Новый мир", 1927, N 6, с. 143.]м На заседании русской, германской и австро-венгерской делегаций (политической комиссии) 9 февраля фон Кюльман впервые заговорил о том, что для немцев "был бы неприемлемым

мирный договор, а котором не было бы дипломатических гарантий в том, что области наших союзников, занятые Петроградским правительством, будут очищены". Следует учесть, что, во-первых, немцы требуют только дипломатических гарантий, а не немедленного выполнения, и, во-вторых, речь идет только об областях, занятых русскими в ходе войны. Из выступления того же фон Кюльмана видно, что Троцкий еще раньше заверил его, "что войска, находящиеся в занятых турецких областях, подчиняются" советскому правительству, хотя высшие интересы страны в то время вовсе не требовали от Троцкого подобного заверения. Но Троцкий собирался пойти еще дальше.

Отвечая Кюльману, он сказал: "Что касается очищения турецких областей, то у нас имеются достаточно веские принципиальные соображения, не позволяющие нам смотреть на очищение армянской территории как на обмен за очищение той или иной части Российской империи. Подобно тому, как мы сейчас выводим войска из Персии, точно так же мы выводим их, - и мы уже приступили к этому, - из Армении. Само собой разумеется, что мы об этом заявим в самой ясной и отчетливой форме в нашем договоре с Турцией, если только мы заключим с ней мирный договор". [Мирные переговоры... С. 185-186.]

Напомним читателям, что в то время русскими войсками была освобождена почти вся Великая Армения. Оставался только один маршевый бросок, чтобы соединиться с английскими войсками, действующими на Палестинском фронте. Теперь Троцкий собирался передать беспомощным туркам не только все это, но и Восточную Армению. По каким же "веским принципиальным соображениям"?

В тот же день, то есть 9 февраля, Людендорф послал телеграмму из Берлина Кюломану и напомнил ему обязательство через 24 часа после заключения мира с Украиной прервать переговоры с советской делегацией. Одновременно и Гинденбург, ссылаясь на то, что русское правительство обратилось к германской армии с призывом к неповиновению, просил у Вильгельма II указаний Кюльману о прекращении переговоров.

Вильгельм II приказал Кюльману предъявить советской делегации ультиматум о принятии германских условий и кроме оккупированных областей потребовать от Советов немедленного очищения от русских войск не занятых немецкими войсками южных областей Лифляндии и Эстляндии.

Кюльман предъявил советской делегации категорическое требование принять немедленно условия мира, однако упомянуть об Эстляндии и Лифляндии не решился. Он продиктовал предлагаемую немцами формулировку: "Россия принимает к сведению следующие территориальные изменения, вступающие в силу вместе с ратификацией этого мирного договора: области между границами Германии и Австро-Венгрии и линией, которая проходит,.., впредь не будут подлежать территориальному верховенству России. Из факта их принадлежности к бывшей Российской империи для них не будут вытекать никакие обязательства по отношению к России. Будущая судьба этих областей будет решаться в соглашении с данными народами, а именно — на основании тех соглашений, которые заключат с ними Германия и Австро-Венгрия".

Оглашая эту формулу, Кюльман добавил, что принятие ее является абсолютно обязательным условием. Троцкий отказался вести какие бы то ни было переговоры. Кюльман предупредил еще раз: "Если мирный договор не будет заключен, то, очевидно, самый договор о перемирии теряет свое значение, и по истечении предусмотренного в нем срока война возобновится". В тот же день, девятого февраля, Кюльман заявил, что "нельзя бесконечно затягивать мирные переговоры, не обещающие успешного исхода", и что складывающиеся обстоятельства вынуждают принять как можно скорее определенное решение. [Мирные переговоры... С. 88, 182.] С аналогичным заявлением выступил и Чернин. На этом заседании 9 февраля закрылось. Любопытный факт. Троцкий на встрече с Черниным, где присутствовал и Карахан, сказал, что он, Троцкий, "не пойдет на соглашение с немцами, даже если это будет связано с падением нового режима в России".

На заседании 10 февраля генерал Гофман заявил протест против увеличения численности русских войск на территории Финляндии, Затем выступил Кюльман, обвиняя Советское правительство и Военное командование в подстрекательстве немецких солдат против офицеров и генералов. Наконец, Кюльман потребовал закончить дискуссию и "обсудить только пункты, дающие возможности прийти к определенным результатам". Все это было сказано категорично и ультимативно. И тогда Троцкий огласил следующую декларацию: "Именем Совета Народных Комиссаров, правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов, воюющих с нами, союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексистского договора, Россия со своей стороны объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам

одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту.

Л. Троцкий, А. Иоффе, М. Покровский, А. Биценко, В. Карелин". [Профессор Ключников Ю.В. и Сабанин Андрей. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926, ч. II, с. 112-114.]

Здесь нет подписи секретаря делегации Л.М. Карахана. Он отказался подписать декларацию.

[начало](#)

5. ТРОЦКИЙ И ТАЛААТ-ПАША

Для встречи с Троцким из Константинополя в Брест-Литовск специальным поездом прибыл великий везирь Талаат-паша. Министр иностранных дел Австро-Венгрии Чернин записал в своем дневнике восьмого января 1918 года: «Ночью прибыл турецкий великий везирь Талаат-паша. Он только что был у меня... Талаат-паша один из наиболее даровитых и, пожалуй, самый энергичный турецкий деятель". [Чернин О.В. В дни мировой войны. М.-Л., 1923, с. 251.]

Из выступления самого Троцкого видно, что армянский вопрос играл "крупнейшую роль в переговорах с турецкой делегацией до рождественского перерыва" и что этот вопрос "не является новым в данной стадии переговоров". [Мирные переговоры... С. 63.] Следовательно, этот вопрос тщательно рассматривался на переговорах между Иоффе и Хакки-пашой. И на всех стадиях армянский вопрос играл только "крупнейшую роль", а не главную. Какой же вопрос был главным?

Гадать не приходится — определяющим был вопрос о турецко-еврейских отношениях. В Лондоне союзники решили, говоря словами президента США Вильсона, "заложить в Палестине фундамент еврейского государства". Теперь необходимо, чтобы Турция передала им суверенитет над этой областью. Война еще шла, трудно определить ее исход. При согласии Турции успех сионистам будет обеспечен в любом случае.

Переговоры оказались трудными. Прежние уступки были недостаточными для Талаата. Он потребовал еще армянские области Восточной Армении — Карс, Ардаган, грузинский порт Батуми, свободу действий в

Закавказье. (Любопытно отметить, что Талаат, по словам Иоффе, часто напоминал Троцкому, что он "тоже революционер".) Надо было выработать еще механизм, который поможет оформить все это в мирном договоре, ведь немцы совершенно игнорировали интересы Турции и не требовали от России даже ухода с турецкой территории. "На конференции турецкие и болгарские представители почти не выступали. Австро-Венгрия плелась за Германией. Зажав рот своим союзникам, Германия властно выступала от их имени". [История дипломатии, т. 3, с. 75.]

Объяснение этому можно найти в выступлении первого генерал-квартирмейстера генерального штаба германской армии Людендорфа на комитете бундестага 2 ноября 1918 года. "Наши взаимоотношения с союзниками,— говорил Людендорф, - претерпели изменения, в военном отношении мы не нуждаемся в Австро-Венгрии. Болгарская помощь незначительна. Турция — это бремя, но прежде имела большие заслуги". [Советско-германские отношения... С. 177.]

Немцы стремились только к одному - миру с Россией и не брали в расчет интересы Турции. Только после того, как между Троцким и Талаатом были согласованы все вопросы и выработан механизм ухода русских войск с освобожденных территорий и передачи туркам Карса, Ардагана и Батуми, сделка состоялась.

Вот что пишет об этом премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж: "В январе 1918 года великий везирь Талаат... дал... расплывчатое обещание ввести законодательство, при котором "все справедливые желания евреев в Палестине смогут найти свое осуществление". [Ллойд Джордж, Указ, соч., с. 303.] Подобное же "расплывчатое обещание" дал сионистам сам Ллойд Джордж еще в январе 1916 года, а седьмого ноября 1917 года его военный кабинет утвердил военно-политическое соглашение с лидерами еврейского национального движения.

Завесу таинственности над переговорами между Троцким и Талаатом немного приподнял Хакки-паша на завершающем этапе подписания Брестского мира. Об этом ниже.

Сейчас о тех событиях, которые были запланированы Троцким в его спектакле после того, как он 10 февраля 1916 года изумил всех своей декларацией ни мира, ни войны. На следующий день, то есть 11 февраля, германский рейхсканцлер дает следующую телеграмму Вильгельму II: "По моему мнению,

заявление Троцкого и срыв переговоров в результате этого является, несомненно, фактическим отказом от перемирия. Нам поэтому не приходится объявлять о своем отказе от перемирия... Таким образом, за нами остается право дальнейшего решения".

На совещании 13 февраля 1918 г. в Гамбурге, в котором приняли участие император Германии Вильгельм II, канцлер Гертлинг, фельдмаршал Гинденбург, генерал Людендорф и другие, немецкий император был крайне раздражен. Он заявил: "Мы не получили подписи от Троцкого, поэтому сначала следует свергнуть большевиков, если хотим иметь инструмент мира. Русский народ выдан на месть евреям, которые связаны со всеми евреями мира, т.е. масоны". [Советско-германские отношения... С. 317—318. 327.] Ясно, что немецкий император жаждал мира на Востоке для того, чтобы перебросить войска на Запад против держав Антанты, а теперь ему приходится поступать наоборот: перебрасывать войска с Запада на Восток. Не только Вильгельм и его генералитет, но и политические деятели Германии хорошо сознавали, что Троцкий просто саботирует заключение мира в угоду Бальфурской декларации.

Немцы перебросили четыре дивизии с Западного фронта на Восточный и 18 февраля возобновили наступление. За четырнадцать дней они заняли ряд областей Прибалтики, Белоруссии, Украины, России. В частности, были заняты Двинск, Минск, Режица, Орша, Юрьев, Псков, Ревель, Нарва и Другие города; немцы приближались к Петрограду. Столица переносится в Москву.

На вечернем заседании ЦК партии 18 февраля Ленин требует немедленно подписать мир. Это предложение проходит семью голосами против пяти. Дается телеграмма в Берлин. Ответ был получен 23 февраля, условия оказались жесткими. На очередном; заседании ЦК Г, Я. Сокольников назначается руководителем советской делегации для подписания мирного договора. При этом Ленин поручает ему в Бресте попытаться вести переговоры с целью смягчения условий ультиматума, на что Сокольников соглашается. Если делегация едет только для подписания, заявляет он, то нет необходимости отправлять ее. В таком случае "достаточно послать одного человека с денщиком". [VII экстренный съезд... С. 271—271.]

Этот факт говорит о том, что Сокольников не был в закулисных переговоров между Троцким и Талаатом. А как он поступил после того, как получил соответствующую консультацию Иоффе, мы увидим ниже.

6. ПОСЛЕДНИЙ АКТ

Советская делегация, во главе с Сокольниковым прибывшая в Брест-Литовск, по условиям немецкого ультиматума имела всего три дня срока для ведения и окончания мирных переговоров. Об этом посланник Розенберг напомнил Сокольникову: "В вашем распоряжении всего три дня, всего три раза двадцать четыре часа". Трехдневный срок считается с начала первых официальных переговоров, т.е. с 11 часов утра следующего дня.

На пленарном заседании 1 марта председательствующий фон Розенберг зачитывает десять условий немецкого ультиматума от 21 февраля. Дойдя до пятого пункта, "об очищении провинции восточной Анатолии", он присовокупляет следующее добавление: "с включением округов Ардаган, Каре и Батуми. Однако,— продолжает фон Розенберг,— мы на этом не настаиваем, во избежание упреков в аннексионистских устремлениях". [Мирные переговоры... С. 219.]

После фон Розенберга слово предоставляется председателю турецкой делегации Хакки-паше. Он говорит о "специальных переговорах с русской делегацией", о том, что "имел честь вручить первый турецко-русский проект г. Иоффе, который был тогда председателем русской делегации". После отъезда Иоффе и приезда Троцкого он "имел честь вручить Троцкому от имени оттоманской делегации... более полный трактат... вот ночами русская делегация имеет в своих руках два проекта договора".

Из этого разъяснения Хакки-паши становится очевидным:

Во-первых, турки вели "специальные переговоры" как с Иоффе, так и с Троцким. Во врученном Иоффе проекте, видимо, и присутствовало требование турок "об очищении провинции Восточной Анатолии", которое, однако, не было включено немцами в их проект соглашения с советской делегацией. Но после провала переговоров немцы включили это требование в свой ультиматум пунктом 5 от 21 февраля 1918 года.

Во-вторых, с прибытием Троцкого в Брест-Литовск, то есть в период с 9 января по 10 февраля 1918 года, турки вручают "Троцкому от имени оттоманской делегации... более полный трактат...", куда было включено, как мы полагаем, требование о Карсе, Ардагане и Батуми. Но и тогда немцы не брали это в расчет. Спрашивается, когда же немцы эти турецкие требования включили в свой ультиматум?

Они были включены в немецкий ультиматум от 21 февраля 1918 г., который был передан советскому курьеру и доставлен в Петроград утром 23 февраля.

Итак, выходит, что только 1 марта 1918 года немцы впервые заговорили об очищении провинции Восточной Анатолии с включением округов Ардаган, Карс и Батуми, одновременно совершенно недвусмысленно давая понять, что на этом они "не настаивают".

Можно предполагать, что немцы в полном объеме не были в курсе тех "специальных переговоров", которые велись Хак-ки-пашой и Талаат-лашой с Иоффе и Троцким, ибо тогда поведение Сокольникова на третьей стадии переговоров, пожалуй, не вызвало бы у них, как мы увидим ниже, недоумения. В-третьих, становится понятным, почему Троцкий еще в первые дни перемирия и до начала даже официальных переговоров о мире добился того, что стали выводить русские войска из Закавказья. В своем заявлении от 28 января 1918 года Троцкий "в самой ясной и отчетливой форме" говорил о том, что уже осуществляется вывод войск и что у него "имеются достаточно веские принципиальные соображения, не позволяющие... смотреть на очищение армянской территории как на обмен за очищение".

Вернемся, однако, к деятельности Сокольникова. Спрашивается, как он реагировал на высказывания фон Розенберга и Хакки-паши? Председатель советской делегации после консультации с Иоффе был подготовлен к этому и выразил только желание "закончить работы в наикратчайший срок".

На совещании председателей делегаций, состоявшемся в тот же день, Г.Я. Сокольников вновь заявляет, что "русская делегация приветствовала бы возможность подписать мирный договор уже завтра. Я предложил бы немедленно приступить к обсуждению самой формы подписания мирного договора, а также условий относительно времени этого подписания". [Мирные переговоры... С. 186, 221. 224.] Подобное поведение

руководителя советской делегации вызвало удивление даже у немцев. В своих воспоминаниях генерал Гофман пишет: "Переговоры на этот раз проходили очень своеобразно. Розен-берг на первом же заседании предложил рассмотреть привезенный им мирный договор по пунктам. Сокольников же попросил, чтобы ему прочли весь договор сразу. После зачитания договора Сокольников заявил, что он отказывается обсуждать каждый пункт в отдельности и что русские готовы сейчас же подписать весь договор". [Гофман М. Указ, соч., с. 136.]

Только на третий день переговоров, 3 марта, то есть в день подписания мирного договора, Сокольников берет слово для заявления. Оно было выдержано в стиле Троцкого. Он, видите ли, протестует, что "германский империализм не позволяет вести революционную агитацию", направленную против него и против немецких военных властей, и далее заявляет: "На Кавказе, явно нарушая формулированные германским же правительством условия ультиматума и не сообразуясь с подлинной волей населения областей Ардагана, Карса и Батума, Германия отторгает в пользу Турции эти области".

В ответ на это председатель пленарного заседания, руководитель австро-венгерской делегации директор департамента д-р Гарц замечает, что предоставленный трехдневный срок был вполне достаточен "для всестороннего обсуждения пунктов договора" и что советская делегация имела возможность "эти пункты не принять. Русская делегация предпочла отказаться от какого бы то ни было обсуждения этих пунктов и целиком принять предложенные ей условия. Ответственность за это, таким образом, всецело падает на нее".

Затем выступает Хакки-паша. "Я прошу русскую делегацию,— говорит он,— не усматривать в сделанном мною заявлении каких-либо неприятных намеков по адресу России. Если Россия и нанесла нам какие-либо обиды в прошлом, то мы знаем, что это была не та Россия, с представителем которой мы в настоящее время ведем переговоры".

Отстаивая "право" Турции владеть областями Карс, Ардаган и Батуми, он замечает, что "здесь нет ни победителей, ни побежденных. Мы все победители". [Мирные переговоры... С. 230, 234.]

Таким образом, план Троцкого-Талаата получил свое окончательное, так сказать, документальное подтверждение в решении Сокольникова передать эти три округа Турции. Мирное соглашение в Брест-

Литовске было подписано в тот же день — 3 марта 1918 года.

Если в свое время Иоффе или Троцкий подписали бы мир, то страна потеряла бы 150 тыс. кв км, избавилась бы и от иностранной военной интервенции и гражданской войны. Теперь она теряет еще один миллион кв. км территории.

Вернемся, однако, к деятельности Сокольникова.

Интересно, как оценивает этот факт сам Иоффе?

В книге стенографического отчета в разделе "Примечания и приложения" он пишет: "В Бресте выяснилось, что условия германского ультиматума еще ухудшены, ибо зарвавшиеся турецкие империалисты предъявляли притязания на области Ардаган, Карс и Батуми. Несмотря на это, российская делегация решила не обсуждать условий мира, но подписать договор без обсуждения, чтобы ни в коем случае не создалось впечатление какого-либо соглашения между российской революцией и империалистами четверного союза". ["Мирные переговоры...", с. 268.]

Попробуйте расшифровать эту дипломатическую триаду Иоффе. Что он хотел, скрывать или избежать обвинения, или, наоборот, сказать подобным эзоповским намеком? С одной стороны, "зарвавшиеся турецкие империалисты", претендующие на Каре, Ардаган и Батуми, с другой,— "несмотря на это", "без обсуждения" все это дает туркам, вопреки желаниям самих немцев, дает, чтобы, боже упаси, у людей "не создалось впечатления какого-либо соглашения" между ними! Спрашивается, между кем? Не деятелями ли "брестской политики" с турецкими "революционерами"-младотурками и Троцким?

А о чем свидетельствует заявление Троцкого о том, что "у нас имеются достаточно веские принципиальные соображения, не позволяющие нам смотреть на очищение Армянской территории, как на обмен за очищение"? Не желает ли он отвести обвинение, что в Бресте кто-то кому-то что-то предлагал, а кто-то в "обмен" на это что-то дал? В чем тогда, собственно говоря, заключаются "веские принципиальные соображения" Троцкого?

Через два года после заключения мира Сокольников издал брошюру "Брестский мир", где горделиво оправдывал свою деятельность: "Предъявленный нам в Бресте 1 марта окончательный текст немецких условий мира,— говорит он,— представлял значительное ухудшение ультиматума 23 февраля (Сокольников имеет ввиду дату получения в Петрограде ультиматума — А.С.), который сам был крупным ухудшением первоначальных немецких условий". И все же, несмотря на это, он решил "принять условия мира полностью и в том самом виде, в каком они были нам предложены". [Г. Сокольников. Брестский мир, М., 1920, с. 18.]

Сокольников заявляет, что им было примято твердое решение идти на это, если немцы "даже захотят уступить в каком-нибудь пустяке". Затем он продолжает: "Мы имели дело с империалистическим Шейлоком, который твердо решил получить причитающийся ему фунт мяса".

О каком Шейлоке Сокольников ведет речь?

Если он имеет ввиду немецкого, то он, как мы уже видели, вовсе не был заинтересован в "фунте мяса".

В таком случае, кто Шейлок?

Турецкие громилы? Да, они действительно жаждали этого "фунга мяса" в виде этих округов из живого тела народов Закавказья — Карса, Ардагана и Батуми. Но турецкий Шейлок не мог добиться успеха. Он был бессилен перед Шейлоком немецким. Казалось, Сокольников выступит в роли благородной героини Вильяма Шекспира — Порции, но Сокольников предпочел роль нового Шейлока и тем самым обеспечил победу турецкого Шейлока.

Интересно отметить, что автор брошюры приводит слова Хакки-паши о том, что "в Бресте не было ни победителей, ни побежденных. Мы все вместе победили". Сокольников явно включает и себя а число победителей.

[начало](#)

7. ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА ТРОЦКОГО

Итак, Брестский мир подписан, 8 марта ратифицирован на VII экстренном съезде РКП(б), а 14 марта — на IV чрезвычайном Всероссийском съезде Советов. Принес ли он мир? Нет. Он принес продолжение войны на Востоке и Юге, положил начало иностранной военной интервенции, породил гражданскую войну.

Почему не наступил мир? Его не хотели могучие силы, заинтересованные в войне с Германией, в строгом выполнении условий Бальфурской декларации. Второго марта, еще до подписания Брестского мира, Троцкий, чтобы накалить обстановку, дал указание председателю Мурманского Совета Юрьеву заключить с англичанами соглашение о принятии их военной помощи. Получив подобное указание, Юрьев добился того, что Мурманский Совет рабочих депутатов объявил войну немцам. Было заключено так называемое "словесное соглашение . по которому страны Антанты получили право высадить в Мурманске десант для "защиты" побережья от якобы ожидаемого "нападения немецкого флота". Это было то, чем домогались англичане. "Англичане,— пишет Черчилль,— приложили все усилия, чтобы получить формальное приглашение от большевистских вождей. Оно было особенно важно потому, что таким путем удалось бы преодолеть нерасположение к интервенции со стороны Соединенных Штатов". [Черчилль У. Указ, соч., с. 10.] Таким образом, "формальное приглашение" было получено. Уже 9 марта, то есть после подписания Брестского мира, англичане начали высадку десанта с крейсера "Глория", а затем с крейсера "Кохэйн", французы 18 марта с крейсера "Адмирал Об", американцы — 24 мая с крейсера "Олимпия".

В своем отчете перед подкомиссией Сената США руководитель миссии Американского Красного Креста в России Робинс рассказал о встрече с Троцким 5 марта 1918 года, то есть за день до открытия VII съезда РКП(б). Троцкий встретил его словами: "Хотите ли вы помешать ратификации Брестского мира?" "Нет ничего, чего я желал бы столь сильно",— ответил Робинс. "Вы можете сделать это",— сказал Троцкий и в ответ на замечание Робинса, что Ленин стоит за мир, продолжал: "Вы ошибаетесь, Ленин понимает, что угроза германского наступления столь велика, что если бы он смог достигнуть экономического сотрудничества и получить военную помощь от союзников, то он отказался бы от Брестского мира, отдал бы в случае необходимости Москву и Петроград, отошел к Екатеринбургу, создал фронт на Урале и сражался бы с помощью союзников против Германии". Была составлена нота Советского правительства и через Робинса

передана правительству США. В ней ставился ряд вопросов и, в частности, о возможности английской помощи через Мурманск и Архангельск. В тот же день, 5 марта, Троцкий принимает Локкарта и сообщает ему, что на предстоящем съезде Советов, вероятно, будет провозглашена война или будет выпущена такая декларация, которая сделает эту войну неизбежной, что "для успеха такой политики необходимо получение по крайней мере видимости поддержки от союзников". Троцкий заверяет Локкарта, что во всех случаях Россия "будет вести партизанскую войну". [Чубарьян А.О. Указ. соч., с. 201, 178, 199.]

Когда 1 марта Ленин принимал дипломатического представителя Великобритании Р. Локкарта, то, беседуя с ним о ходе переговоров в Брест-Литовске, заявил, что большевики будут сопротивляться попыткам немцев возродить в России буржуазное правительство, в случае необходимости отступить с боями до Волги, до Урала. [Ленин В. И. ПСС. т. 5, с. 48.] После заключения Брестского мира, убедившись, что немцы "не трогают советскую власть", стал требовать ратификации договора, в то время как Троцкий старался сорвать ее. В то же время Ленин в принципе не отказался от тактики сопротивления немцам. Противоречие между Лениным и Троцким в этом вопросе, как мы считаем, заключалось в том, что Троцкий хотел войны с Германией, а не мира, допуская потерю Петрограда и Москвы и даже крушение советской власти, в то время как Ленин хотел сохранить их, ради чего шел на мир. Мотивы же обоих были крайне далеки от истинных национальных интересов России...

"В Таврическом дворце прошло заседание ЦК. Оно вынесло решение в пользу подписания мира. Созывается совместное заседание большевиков и левых эсеров. С докладом выступает Крыленко. Он за мир: армии нет, деморализованные солдаты бегут в панике от показавшейся на горизонте немецкой каски, бросая артиллерию, обозы и всякое военное имущество наступающему врагу. Только немедленное подписание мира спасет Советскую власть от гибели.

Враги мира кричат в один голос: "Это демагогия, а не отчет Главковерха!", "Долой его!".

Слово предоставляется фракции большевиков. Выступает К. Радек, от левых эсеров Штейнберг. Оба против заключения мира. Выступает Ленин. Он обосновывает необходимость немедленного подписания мира во имя спасения социалистического отечества. Обращаясь к противникам подписания мира, он говорит: дайте мне сейчас сотысячную армию, но крепкую, стойкую, которая не дрогнет перед врагом, и я не подпишу мира.

Я не мешал вам, я отошел в сторону, я эти два месяца предоставил вам полную свободу. А вы создали крепкую армию? Что вы мне можете дать реального, кроме болтовни или махания картонным мечом?..

— Отступая к Уралу, мы сумеем продержаться под натиском немцев 2—3 недели. Вы дадите мне гарантии, что через две недели будет мировая революция?..

— Да! Это позорный, похабный мир, но если вы сейчас не подпишете предложенных условий, то через месяц вы подпишете в сто раз худшие условия...

— Мы должны подписать этот похабный мир во имя спасения мировой революции, сохраняя для нее главную и единственную в настоящее время опорную крепость — Советскую республику". [Ступоченко Л. В брестские дни. Воспоминания старого большевика. М., 1926, с. 20-21.]

После опубликования Бальфурской декларации Лондонский центр еврейского национального движения дал директивные указания сионистам России о новых, методах работы в соответствии с целями и задачами Англии.

В одном секретном докладе члена центрального комитета сионистской организации А.Д. Идельсона, попавшем в руки советских органов при обыске, прямо говорится о том, что сионисты обязались перед Англией "через еврейских работников в советских органах оказать давление в пользу продолжения войны". Через каких работников? На этот вопрос протокол внушительно отвечал; "Не подлежит оглашению". [ЦДПАИМЛ. ф. 445, оп. 1, д. 22, л. 35.]

Более чем через 20 лет после этих событий Ллойд Джордж писал об этих днях, что после революции "русские евреи имеют значительное влияние в большевистских кругах" (в русском переводе "в советских кругах") и что они разворачивают борьбу против заключения мира с Германией, а в случае заключения мира, будут саботировать с целью срыва его выполнения с тем, чтобы не допустить сокращения войск Германии и Австрии на Восточном фронте и увеличить их численность на Западном, не позволить также странам центрального договора "получить хлеб, нефть и медь из грандиозных материальных запасов этой огромной и

богатой страны". [Ллойд Джордж, указ, труд, с. 288.]

Ввиду немецкой оккупации сионисты были не в состоянии разворачивать широкую работу. Но "свои настоящие английские зубы они стали показывать осенью 1918 года". [ЦПА, ф. 445, оп. 1, д. 22, л. 37.] По некоторым данным, в английской армии воевало около 80 тысяч сионистских легионеров. [Там же, л. 11.]

Подводя итоги событий, развернувшихся на Западе страны с момента отказа Троцкого подписать мир в Брест-Литовске и до крушения Германии в Первой мировой войне в ноябре 1918 года, легко убедиться в том, что если бы Троцкий в свое время согласился на мир, страна временно потеряла бы 150 тыс. кв. км, а теперь потеряла один миллион, а сколько было людских жертв и материальных утрат! Не случайно Уинстон Черчилль отмечал, что Россия "задержала на своих фронтах больше половины неприятельских дивизий и в этой борьбе потеряла убитыми больше, чем все прочие союзники, вместе взятые". Так обстояло дело на Западном фронте, а на Южном? С уходом русских войск с Кавказского фронта в 1917 году советское руководство вручило туркам ключи от Закавказья, с подписанием Брестского мира — дало зеленый свет турецкому вторжению в регион. Черчилль писал, что Брест-Литовский договор "послужил началом для общего турецкого наступления на Востоке". [Черчилль У. Указ, соч., с. 39, 278.]

Остается выяснить, выполнили ли договаривающиеся стороны свои обязательства по Бальфурской декларации. Англичане утверждают, что сионисты выполнили. "Сионистские лидеры,— говорил Ллойд Джордж,— сдержали свое слово как по форме, так и по смыслу, и теперь на повестке дня стоит один вопрос: намерены ли мы честно сдержать свое слово". [Ллойд Джордж. Указ, соч., с. 302.]

С похвалой отзывается о деятельности сионистов и Уинстон Черчилль. Выступая с докладом в имперском кабинете 22 июня 1921 года, он сказал: "во время войны мы, несомненно, стремились, помимо всего прочего, приобрести влияние и получить поддержку для нашего дела, в частности, мы хотели заручиться поддержкой евреев во всем мире. Мы этого добились". Англия, в свою очередь, после победы сдержала слово — в Палестине был создан еврейский национальный очаг.

Турция тоже сдержала слово, данное Талаат-пашой Троцкому в январе 1918 года. Результаты оправдали ожидания. Первые итоги этому подвел один из лидеров еврейского национального движения Б. Гольдберг.

Он опубликовал статью, в которой с большим удовлетворением приводит слова того Джемал-паши, который еще в 1917 году первый публично приветствовал Троцкого за публикацию секретных царских договоров. В своем выступлении перед группой евреев Джемал-паша заявил: "Вы уже создали еврейское государство в Палестине. Вы создали сеть школ на своем языке, вы создали сеть колоний, где вы самостоятельно распорядитесь. Вы создали центральный банк с целой сетью отделений в стране, который выпустил даже свои денежные знаки, вы имеете свой суд, вы имеете даже свою вооруженную милицию (чашимер), вы имеете свое правительство в виде сионистского управления, вы устроили свой город, где нееврей даже переночевать не может (Тель-Авив), вы имеете даже свой флаг и свою почтовую марку. Чего вам еще?" [Сафрут.кн. 1, с. 116.]

Гольдберг пошел еще дальше. В одесском издании "Еврейская мысль" он писал, что евреи создали "ячейки еврейской государственности не только в Палестине, но и в диаспоре". Вряд ли можно оспаривать эту истину. В то время будущий первый президент государства Израиль доктор Вейцман из Лондона приезжает в Палестину и руководит торжеством по случаю закладки еврейского университета в Иерусалиме. По этому поводу он произнес большую речь, которая была опубликована в октябре 1918 года в одесском журнале.

Каким образом лидеры еврейского национального движения добились таких уникальных успехов? На этот вопрос отвечают их идеологи. Так, М. Маргалин пишет, что одной из причин является "искусство" еврейских "вождей в мире высокой политики". ["Еврейская мысль". Одесса, 1918. N 43.]

А вот армянские деятели, всегда с пониманием и сочувствием относившиеся к чаяниям и стремлениям еврейского национального движения, не владели "искусством высокой политики". Тайное соглашение между Троцким и Талаатом положило начало новому трагическому этапу в истории Армении XX века. После письма Мустафы Кемаля Ленину и заключения русско-турецкого договора "О дружбе и братстве" 1921 года основанный Троцким и Талаатом союз получил новое содержание и качество.

После турецкой агрессии против Армении Англия пыталась уговорить Кемаля согласиться на создание национального очага для уцелевших армян в Киликии или в Западной Армении. Турецкий лидер отвечал отказом. Ответственный работник Коминтерна М. Павлович защищал позицию турок и утверждал, что те

армяне, которые носились с идеей национального очага", являются "изменниками и предателями, агентами иностранного капитала, проводниками захватнической политики на всем Востоке..." [Новый Восток. 1922, кн. 3, с. 33-34.]

А как оценивал М. Павлович идею еврейского национального очага? Какую позицию он занимал по отношению к Англии в связи с этим вопросом?

Оказывается, М. Павлович не только защищал принципы Бальфурской декларации, но и критиковал Великобританию за то, что она, видите ли, отходит от этого соглашения. Она "иммиграцию не только не поощряет, а ставит ей всяческие препятствия, и это в то время, как Англия на основании декларации Бальфура обещала обеспечить свободу и благоприятные условия для развития иммиграции еврейских масс в страну". Английскую политику сбалансирования, по утверждению М. Павловича, характеризует "сильный уклон в сторону арабского национализма". [ЦГАОР СССР, ф. 5402, ед. хр. 170, лл. 6, 15, 23, 24.]

Советизация России, брестское предательство 1918 г. и сговор Ленина-Ататюрка 1921 г. положили начало крутому повороту в традиционной политике России на Востоке. Они нанесли большой удар по армяно-русской дружбе, создали глубокую трещину в вековой российской ориентации армянского народа.

Ребусы под названием "Брестский мир" и "Договор "О дружбе и братстве" полностью еще не разгаданы. Историкам предстоит приложить немало усилий, чтобы найти ответы на все вопросы.

[начало](#)

ГЛАВА ПЯТАЯ НА ПУТИ К ЗАВЕТНОЙ ЦЕЛИ

1. АКТИВИЗАЦИЯ СИОНИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Уже после Февральской революции лидеры сионизма развернули в России широкую пропаганду своих взглядов. Газета "Еврейская жизнь", издававшаяся в Москве, очередной номер от 27 марта 1917 года посвящает "празднику свободы" - призыву "великого вождя" Т. Герцля: "Из стороны рабства к свободной

жизни в стране предков".

В Москве 4—9 апреля 1917 г. состоялась очередная конференция социал-демократической рабочей партии "Поалей Цион". Материалы конференции, как и доклад делегации Всемирного социалистического рабочего союза Голландско-Скандинавскому социалистическому комитету, содержат требование "персональной национальной автономии" и тезис в пользу "еврейского переселения в Палестину". В докладе, в частности, говорится о том, что основной источник всех страданий еврейского народа — "это потеря его национальной родины и рассеяние его по многим странам". Безземельность лишила его, говорится далее, возможности самому устраивать свою жизнь и поставила его судьбу в невыносимую зависимость от подъема или упадка тех народов "в чьих владениях евреи живут". Сознание этого ненормального положения, равно как "никогда не прерывающаяся духовная связь еврейского народа со стародавней почвой отчизны вызвало к жизни народное движение в еврействе, которое стремится к территориальному решению еврейского вопроса посредством создания концентрированного еврейского поселения в Палестине".

Переселению евреев в Палестину был посвящен и седьмой Всероссийский съезд сионистов, проходивший с 24 по 30 мая 1917 г. в Петрограде. Присутствовало 517 человек чуть ли не со всех концов России. От имени Центрального комитета сионистов А.Д. Идельсон открывает съезд. Он ставит перед делегатами задачу: "возвращение еврейского народа в его родную, желанную страну — Палестину". Председателями съезда избираются Е.В. Членов и М.М. Усышкин. С приветствием от имени Временного правительства выступает Н.С. Чхеидзе. ["Еврейская жизнь", 18 июня 1917 г.]

Напомним, что в годы войны сионистские дипломаты вели усиленные переговоры как со странами Антанты, так и с Германией и Турцией с целью получения публичного права на Палестину для организации там "национального очага". Выступление газеты "Еврейская жизнь" и созыв сионистского съезда по тому же вопросу свидетельствуют: сионисты были настолько уверены в удовлетворении своих претензий, что открыто призывали евреев России к переселению в Палестину. Следовательно, русские сионисты не только были в курсе тех переговоров, которые вели их лидеры в столицах ведущих стран мира, но и безоговорочно верили в успех еврейской "мировой политики". После Октябрьского переворота на российских сионистов возлагались особые надежды. Прежде всего именно они должны были обеспечить выполнение взятых на

себя лидерами сионизма обязательств перед странами Антанш.

[начало](#)

2. СТРАТЕГИЯ ПОДСТАВНЫХ ЛИЦ

Деятельность сионистов в Советской России была ограничена. После признания ими новой власти им было разрешено заниматься просветительской деятельностью. Сионисты никаких официальных должностей не занимали и не меняй занимать. На что же тогда они рассчитывали? Они рассчитывали на тех своих скрытых сторонников, которые занимали высокие посты в различных аппаратах новой власти. Короче говоря, речь идет о сионистской стратегии подставных лиц.

Стратегию подставных лиц не следует смешивать с тайной дипломатией. В систему тайной дипломатии, конечно, включается содействие как шпионов и других подкупленных лиц, так и Квислингов. Но во всех случаях они являются людьми другой национальности. Мы же ведем речь об уникальных случаях.

Стратегия подставных лиц проводится также тайно, но лицами одного национального организма, лишенного государственного суверенитета. Эти лица, желая вернуть свою потерянную родину или вновь восстановить ее суверенитет, действуют скрытно, поскольку подобная идея либо враждебна, либо нежелательна для страны, на территории которой проживают и гражданами которой они являются. Они проявляют себя чрезвычайно ретивыми поборниками идеалов этой страны, что позволяет им занять ключевые идеологические и исполнительные посты в аппарате управления. Их деятельность не только строго секретная, но и, как ни странно, весьма легальная: легальности работы они добиваются путем приспособления отдельных официальных идей к нуждам своей стратегии сперва в теоретическом, а затем в практическом плане.

Об обязательствах сионистов перед странами Антанты и Турцией мы уже говорили. Чтобы выполнить эти обязательства, они первым делом старались проникнуть всеми возможными путями в органы новой власти или найти там сторонников и соучастников. В секретном докладе члена Центрального комитета сионистской организации А.Д. Идельсона прямо говорится о том, что сионисты обязались перед Англией "через

еврейских работников в советских органах оказать давление в пользу продолжения войны". [ЦПАИМЛ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 22, л. 35.] Эти слова чуть ли не дословно повторяет спустя двадцать лет Ллойд Джордж в своей книге "Правда о мирных договорах".

Если сравнить сионизм с айсбергом, то открыто действующие сионисты составляют лишь его надводную часть, а скрытые, через которых лидеры сионизма проводили свою так называемую стратегию подставных лиц, являются подводной частью того же айсберга.

Эту стратегию в таком большом объеме сионизм не применял в странах Запада. В этом не было нужды. Деятели "большого еврейского мира" занимали важнейшие посты в Британской империи, не скрывая свои сионистские идеалы. Так, Руфус Исаак (лорд Ридинг) был вице-королем Индии, Монтэгью - министром по делам Индии, Мейер - верховным комиссаром, Давид Сассун — губернатором Бомбея. Одним из министров в кабинете Ллойд Джорджа был известный "никелевый король" и владелец многих английских газет Альфред Мوند.

Из 156 сопровождавших президента Вильсона на конференцию в Версаль лиц 117 являлись представителями еврейского "большого мира". А как уже говорилось, член Верховного суда США Брандейс был одновременно официальным главой американских сионистов. То же самое можно наблюдать во Франции, Италии и других странах. Сионисты там действовали открыто и не нуждались в стратегии подставных лиц в таком объеме.

В этом отношении, по нашему мнению, является весьма характерной статья небыизвестного Б. Гольдберга в одесской "Еврейской мысли" в 1918 году. Гольдберг с гордостью отмечает, что они, сионисты, создали "ячейки еврейской государственности не только в Палестине, но и в диаспоре". Что же могли означать подобные ячейки в "диаспоре"? Не значит ли это, что сионисты занимают в различных странах такие важные, ключевые посты, что в состоянии направить политику этих государств в нужное для себя русло? Под "ячейками еврейской государственности в диаспоре" следует поэтому понимать как надводную, так и подводную часть айсберга.

3. ПРОПАГАНДА В ПОЛЬЗУ ДЕРЖАВ СОГЛАСИЯ

В полном соответствии со своими обязательствами перед державами Согласия русские сионисты развернули проанглийскую пропаганду с целью обработки общественного мнения в пользу стран Антанты.

Здесь будет кстати вспомнить слова Т. Герцля о том, что если Англия пойдет навстречу сионистским идеалам, то она "приобретет себе десять миллионов агентов, которые будут действовать на благо ее влияния и величия". Вот англичане и подали этот сигнал, стремись приобрести такое количество агентов.

После одобрения военным кабинетом Бальфурской декларации миллионы листовок с ее содержанием были распространены буквально по всему миру: в каждом городе, местечке, где только имелось еврейское население. Листовки разбрасывались с самолетов в германских и австрийских городах и распространялись в России и Польше. Говоря об этом, Ллойд Джордж не без самодовольства замечает, что "эта пропаганда среди евреев сыграла весьма существенную, А В ОДНОМ СЛУЧАЕ ДАЖЕ РЕШАЮЩУЮ РОЛЬ (выделено нами - А. С.). [Л. Джордж, указ, труд, с. 302. 110] Британский дипломат представляет читателям лишь возможность размышлять о том, в каком это "в одном случае" она имела "решающую роль".

Во всяком случае прав Ллойд Джордж: сионисты делали все от них зависящее, чтобы содействовать целям и задачам стран Антанты.

Как только декларация была обнародована, сионистские лидеры из Лондона срочно телеграфируют об этом в сионистский центр России. Тот, в свою очередь, дает указание низовым организациям провести необходимые мероприятия. На местах созываются собрания по синагогам, где произносятся молитвы за здоровье английского короля, его министров, за победу английского оружия. Устраиваются митинги, гулянья, уличные шествия и т.д., на которых произносятся пламенные речи в честь новоявленного мессии в лице Бальфура.

Так, например, 17 ноября 1917 года сионистский петроградский мерказ (центр) направляет срочную депешу

своим единомышленникам в Киеве: "С великой радостью сообщаем полученный сегодня от уполномоченных сионистской организации в Лондоне текст декларации, опубликованной британским правительством. Гласит дословно. "Правительство его величества выражает благожелательное отношение к созданию в Палестине национального центра для еврейского народа" ...Благородным актом английского правительства открывается новая эра, осуществляется завет Герцля. Широко оповестите евреев вашего района, устраивайте народные собрания, резолюции. Телеграфируйте. Мерказ". Вокруг Бальфурской декларации, как говорится в одном архивном документе той же периода, "сионисты подняли сплошную вакханалию. Во всех городах и местечках по приказу свыше забили в колокола". [ЦПАИМЛ при ЦК КПСС, ф. 445. оп. 1, д. 22, л. 35.]

В легально выходивших газетах, журналах, сборниках и в других специальных изданиях помещался текст декларации, прозападный пропагандистский материал, отчеты о митингах, собраниях и других мероприятиях, проводимых в связи с этим актом английского правительства.

Издание "Еврейская мысль", орган сионистского комитета Одесского района, свой очередной номер полностью посвящает этому вопросу. Здесь находим письмо главного раввина Лондона королю Георгу, где говорится, что "Дом Израиля горячо молится за победу войск его величества". В другом материале рассказывается о специальном заседании московского общинного совета, посвященном английской декларации, и что оно "прошло с большим подъемом". На заседании раввин Мазе зачитывает декларацию Бальфура и письмо ЦК сионистской организации к московской общине.

Среди многочисленных материалов, помещенных в номере, мы находим и циркуляр председателя Палестинского комитета М. Усышкина. Он поздравляет всех с "великим праздником — декларацией английского правительства". "Одна из величайших держав,— говорит Усышкин,— в согласии со своими союзниками, признала права нашего народа на его старую родину и обещает содействовать созданию в Палестине еврейского национального центра". Одновременно Усышкин резко критикует тех, кто не разделяет его взгляды: "Бесполезно звать в ряды возрождающегося единства национальных дегенератов, рудименты ассимиляционного периода и малочисленных, но очень шумливых из левых, партий, которые заступаются за "бедных" арабов... Один лозунг у нас теперь: организация и мобилизация народных сил". [ЦПАИМЛ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 22, л. 35.]

В какие конкретные дела выливается эта "организация и мобилизация масс", мы увидим позже. Здесь укажем только, что сионисты свою пропаганду ведут постоянно, не прерывая ни на один день. Газета "Рассвет" на первой полосе сообщает об "Итальянской декларации", о том, что "вслед за правительствами Англии и Франции нашло нужным и своевременным и правительство итальянского королевства огласить официальный акт о политическом признании права на создание "Еврейской Палестины" и что в этом "особенно велика заслуга" сионистского официального представителя в странах Согласия Наума Соколова.

Суть дипломатического искусства Т. Герцля заключалась в одном: опереться на сильные державы Запада, с их помощью приобрести территорию Палестины и организовать там еврейское государство. Для евреев Палестина стала бы райским уголком, свободным от всех земных бед, для Европы же евреи стали "бы там оплотом против Азии и несли бы авангардную службу культуры среди варваров". ["Рассвет", 1918, N 18.]

Последователи Герцля пошли еще дальше, выдавая планируемое еврейское государство за образец для всемирного подражания. "Абсолютно новым,— писал М. Эренпрейз,— является то, что еврейское государство разрешает не только национальную проблему, но и проблему общественного прогресса. Еврейское государство будет не только новым государством в придачу к уже существующим — оно будет новым во всех отношениях идеальным государством будущего в миниатюре, в котором осуществляются общественные, научные и эстетические стремления последнего века. Двигательной силой в создании еврейского государства, кроме еврейской нужды, станет прогресс технических наук и средства передвижения". Статья Эренпрейза была опубликована в 1918 г. в Петрограде в сборнике "Теодор Герцль" из серии "Библиотека классиков сионизма".

Двадцатого января 1919 года Центральный комитет сионистской организации в России сообщил, что он через специального курьера получил ряд важных депеш от Копенгагенского и Парижского бюро сионистской организации и "спешит поделиться радостными сообщениями о дальнейших успехах в области политической работы". Далее идет текст двух сообщений:

а) "Нам телеграфируют из Лондона: державы Согласия признали, что еврейский народ, участвовавший своими легионами в военных действиях союзников, должен получить право союзной нации. Поэтому он

получит собственное представительство на мирной конференции".

б) "Луи Брандейс и Наум Соколов получили от правительств Согласия уведомление о признании их представителями на мирной конференции от еврейского народа и еврейского государства в Палестине. Из Парижа нам также сообщают, что допущение сионистской делегации к участию на мирной конференции обеспечено, а поэтому Соколов и Вейцман настойчиво требуют скорейшего прибытия делегации русских сионистов".

Мы привели только несколько примеров легальной работы сионистов, они действовали также и подпольно, и через подставных лиц.

[начало](#)

4. ПРОТУРЕЦКАЯ ПРОПАГАНДА

Сионисты вели огромную работу по пропаганде своих национальных и туркофильских идей, в том числе и в России. Издавались газеты, журналы, книги, специальные сборники, выходила серия "Библиотека классиков сионизма". В 1918 году в Петрограде вышли в свет в нескольких томах сочинения, как говорится в предисловии, "величайшего еврейского политика" — Теодора Герцля. По тому времени книги были необычайно роскошно изданы, с подробными комментариями и пояснениями. В Москве издавались сборники "Сафрут", второй из них специально посвящен двадцатилетию первого сионистского конгресса, здесь более 20 статей видных руководителей движения.

И трудно найти автора, который по той или иной причине не касался бы Турции. И всегда об этой стране говорится тепло, с похвалой, отмечается, что идеалы евреев и турок взаимно дополняют друг друга. Протурецкая пропаганда в эти годы носила не случайный, а строго обдуманый и запланированный характер.

За легальной работой следовала полулегальная и нелегальная. Центральный комитет сионистской организации координировал работу этих издательств, как и деятельность своих подставных лиц. На все

затронутые нами вопросы проливает яркий свет документ, обнаруженный при обыске одного из лидеров сионистов А.Д. Идельсона — того Идельсона, который в июне 1917 года открыл седьмой Всероссийский сионистский съезд и поставил перед ним задачи. В этом документе, повторяем, говорится "о еврейских работниках в "советских органах", через которых следует вести работу "в пользу продолжения войны" с Германией. Тот же Идельсон поместил в газете "Рассвет" ярко выраженную туркофильскую статью. Этот вопрос специально обсуждался на заседании Центрального комитета сионистов, и в секретном отчете говорится об этой "двойной спекуляции" сионистов, которая особенно ярко проявилась после Брестского мира. Да, время было такое, что трудно было угадать исход игры. Туркофильское излияние Идельсона раскрывало обязательства сионистских лидеров по секретному соглашению как с Англией, так и с Турцией.

Вспомним историю палестинского вопроса. Он делится на три периода. Первый период был "хибасьцион" — дело религиозных мечтателей, дело, не выходящее за пределы "еврейского мира". Этот период продолжался примерно шестнадцать лет (1881—1897). Затем на сцену выходит политический сионизм. Усилиями его вождя Теодора Герцля за дело берется большой "еврейский мир", кладется начало восточной, а затем западной ориентации сионизма. Усилиями всех "миров", "Общества евреев" Герцля палестинская проблема выходит на международный форум. С заключением соглашения с Англией и Турцией проблема входит в свою третью, завершающую фазу. И сионисты делают все возможное для того, чтобы полностью выполнить свои обязательства перед странами Антанты, с одной стороны, и Турцией — с другой.

[начало](#)

5. БОРЬБА ПРОТИВ БРЕСТСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

Мы уже привели цитату из секретного доклада члена ЦК сионистов А.Д. Идельсона о том, на кого сионисты рассчитывали при организации работы, направленной на срыв Брестского мира, и слова английского премьер-министра о том же.

С обнародованием Бальфурской декларации сионисты развернули широкую легальную печатную и устную пропаганду в пользу стран Антанты, а также активную подпольную борьбу против Брест-Литовских переговоров, а затем и мира, за "войну до победного конца".

Сионистами была создана военная организация хехолуц, задача которой заключалась в том, чтобы оккупировать по стопам английской армии Палестину. Для этой цели мобилизовалась молодежь со всех концов Европы. Особенно лихорадочно велась работа в пределах Советской России. Вблизи Одессы были организованы сборные пункты. На берегу Черного моря волонтеры проходили кратковременную подготовку, затем при помощи английской миссии перевозились в Египет и Палестину, а часть — на русский Север, к Архангельску.

Вербовка проходила разными способами. Например, распространялись слухи о еврейских погромах, в Гельсингфорсе даже прошла демонстрация продета, Одесса стала центром сионистских военных формирований, где руководящую роль играл Усышкин. Только с его разрешения люди могли выехать через одесский порт за границу. Сионистские "легионеры побывали в войсках Англии, выступая против Советской России на Архангельском фронте и в Одессе". [ЦПАИМЛ, ф. 4-15, оп. 1, д. 22, л. 20.] По некоторым данным, в английской армии воевало около 80 тысяч сионистских волонтеров.

Следует сказать, что англичане, согласившись на заселение национального еврейского очага в Палестине, руководствовались не только своими интересами в Первой мировой войне. Так, "Айриш тайме" писала, что "с точки зрения британских интересов защиту Суэцкого канала лучше всего осуществлять путем сосредоточения в Палестине населения, расположенного к нам". Макс Нордау, обращаясь к англичанам после окончания Первой мировой войны, говорил: "Мы охраняли Суэцкий канал. Мы должны охранять ваш путь в Индию через Ближний Восток. Мы готовы выполнять такую трудную задачу, однако необходимо, чтобы вы разрешили стать нам силой для того, чтобы мы смогли выполнять свой долг".

Подводя некоторые итоги деятельности русских сионистов по затронутому вопросу, следует сказать, что эта деятельность в период ведения Брест-Литовских переговоров и особенно в разжигании "партизанской войны" против Германии после заключения Брестского мира была настолько ощутима для немцев, что они принимали ее весьма раздраженно и болезненно. По мнению британского премьер-министра, именно это обстоятельство послужило причиной озлобленности немецких фашистов после их прихода к власти в Германии по отношению ко всему еврейскому населению. Они стали, мол, мстить евреям за "измену" в 1917

— 1918 гг. "Есть все основания думать, — говорит Ллойд Джордж, — что еврейская пропаганда в России немало способствовала созданию тех трудностей, с которыми столкнулись немцы на юге России после Брест-Литовского мира. Немцы знали это, и евреи в Германии расплачиваются теперь страданиями за ту верность, с какой их братья в России и Америке выполняли обязательства, данные сионистами союзникам". [Ллойд Джордж. Указ, соч., с. 302.]

[начало](#)

6. МЕТОДЫ ТАКТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Мы говорили о стратегических методах борьбы лидеров Лондонского центра еврейского национального движения, включая Троцкого и его многочисленных друзей. Теперь же на некоторых конкретных примерах рассмотрим тактические методы борьбы низовых сионистских организаций.

В первые годы советской власти на Украине, где проживало большинство еврейского населения, при ЦК КП(б)У было создано Главбюро еврейской секции. Оно вело большую политико-воспитательную работу среди еврейского населения. Заметим, что на Украине сионисты проявляли особую активность, являясь выразителями интересов еврейского "большого мира". Еще Герцль решительно отвергал социалистический путь решения национального вопроса. В сионистском "кредо" говорится: "Социализм тем опаснее, что его горькая пилюля густо позолочена, что он к несчастному еврейскому народу... приходит под видом "друга", "избавителя"... Он говорит: "Приходите вы, горемычные, и я спасу вас". Социализм, однако, не такой уж "платонический бессребреник", а требует для себя за труды "мзды". Что же он требует от евреев? — Очень много. Он требует, во-первых, жертв телом и кровью. Социализм стремится к насильственному перевороту существующего строя, а такие перевороты немыслимы без крови... Социализм начертал на своем знамени: "История человечества есть история классово́й борьбы", т.е. для нею грубый материализм, требование желудка — единственный фактор истории, почти исключительный кодекс жизни... В какую бы форму ни выкристаллизовывался социализм — интернациональную или национальную, — он одинаково гибелен...

Если еврейство, однако, способно к дальнейшей исторической жизни — оно против яда социализма должно было в себе самом выработать и противоядие.

Оно и случилось. Поднятое... среди евреев всего мира... движение, известное под именем сионизма, и есть это противоядие. Сионизм есть созидание, возрождение, социализм — разрушение, разложение.

Сионизм есть мир, социализм — вражда... Сионизм есть объединение всего еврейства, социализм - борьба в нем одного класса против другого.

Сионизм нуждается в современном строе, социализм же против этого строя поднимает свой меч...

Социализм стоит сионизму поперек дороги. Таким образом, сионизм и социализм не только два полюса взаимоотталкивающиеся, но два элемента, друг друга совершенно исключают. Везде, где есть евреи, сионизм нужен, а там, где вдобавок в головах евреев происходит брожение, — он необходим". [ЦГАОР, ДП.00 д. 11, 4.2. литер Б, 1898.]

Соблюдая верность идеям, изложенным в этом "кредо" и в произведениях Т. Герцля, мировой сионизм развернул после Октябрьского переворота широкую кампанию против большевизма. Д-р Пасманик в парижской газете "Общее дело" (N 57 от 14 сентября 1919 г.) писал: "Большевизм является огромнейшей опасностью для всего русского еврейства. Он разорил и разрушил все наши общинные, экономические и культурные учреждения, которые отданы на съедение разным недорослям — комиссарам... Большевизм по существу своему является потенциально неиссякаемым источником юдофобии. Большевизм имеет своим непосредственным результатом углубление мирового антисемитизма... Это вполне понятно: по существу своему большевизм имеет своей целью воцарение хамства и алчного мещанства во всем мире, а вовсе не господство культурного демократического социализма. Большевизм строит свою победу на ненависти и озлоблении всех против всех. В этой атмосфере должен неизбежно развиваться злобствующий антисемитизм". И Пасманик утверждает, что на территориях, занятых армиями Колчака и Деникина, "не было ни одного погрома". "Еврейство, — продолжает он, — поддерживая Деникина и Колчака, не только спасает положение в самой России, но оздоровит атмосферу во всех культурных странах".

Если зарубежный сионизм выступал против большевистского режима открыто, то сионисты в России вели ту

же работу подпольно. В обстановке строжайшей секретности 2 мая 1918 года в Москве открылась конференция одной из довольно разветвленных организаций сионистов, носившей название "Цеире-Цион". Присутствовали представители из Москвы, Петрограда, Витебска, Воронежа, Вологды, Рыбинска, Саратова, Астрахани, Иркутска, Орла, Казани, Тулы, Калуги, Тамбова, Самары, Рязани и других мест.

На конференции был заслушан доклад, тезисы которого предварительно тщательно обсуждались и утверждались: "Основной вопрос российской политики — вопрос о русской революции: опыты социалистической революции — эксперименты большевиков в области промышленности, финансов, государственного хозяйства, внешней политики... результаты экспериментов - развал государства, деградация хозяйства... суровая реакция на Западе; положение еврейского народа — экономическое оскудение и обнищание посредников, торговцев, служащих и ремесленников вследствие реквизиции в оккупированных частях России, в социалистической России тот же процесс вследствие экспериментов большевиков, убивающих торговлю, промышленность... наши политические требования остаются прежними: создание коалиционного правительства без большевиков...".

В прениях, при обсуждении доклада, выступили многие. "Как нам поступать,— спрашивает д-р Рысс,— пойти ли нам на службу к большевикам? Да, ибо это не политическое признание их власти, а вопрос хлеба". Другой оратор, Лезлин, считает, что "большевизм пока имеет еще силу, а поэтому надо указать методы борьбы с ним. В повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с большевистскими учреждениями. Русская интеллигенция уже высказалась против саботажа. Мы в известной степени тоже должны отказаться от саботажа. И во всех отделах большевистского правительства, где мы можем работать, мы должны это делать".

Представитель из Астрахани Зильберг предлагает крепить еврейскую организацию: "Наша борьба — организация всех демократических элементов, дабы с падением большевизма взять власть в свои руки... Община — начало организации еврейства".

В политическом отношении сионисты всеми способами пытаются связаться со Вторым интернационалом. Стокгольмской конференцией, посылают туда своих представителей. Сионисты смогли добиться того, что английская рабочая партия принимает просионистскую резолюцию.

Особенно сильно сионисты ополчились против "бессмысленной экономической политики советской власти", вследствие которой "положение российского еврейства становилось все ужаснее и безвыходнее". Характерно, что сионисты самых различных толков открыто пользовались "всеми доводами и лозунгами II Интернационала против советской власти, требуя изменения общего режима, угрожая вмешательством всемирной демократии и всемирного еврейства". [ЦПАИМЛ, ф. 445, оп. 1, д. 22, лл. 18, 58, 59] Возникали все новые сионистские организации, при этом каждая из них сосредоточивала внимание на решении какой-либо одной важной задачи. Так, например, организация "Гехолуц" в основном занималась подготовкой и транспортировкой квалифицированных ремесленников, земледельцев и рабочих в Палестину.

После окончания гражданской войны сионисты продолжают свою деятельность и даже усиливают ее. Характерно, что все ожившие старые организации и возникшие новые группы именуют себя "социалистическими", "трудовыми". Наибольшую активность в тот период стали проявлять СТП ("Сионистская трудовая партия"), ССФ ("Сионистски-социалистическая федерация"), "сионисты-социалисты". Каждое из объединений имело свою юношескую и детскую организации. Кроме этих политических организаций для трех возрастных групп, активно действовали уже упоминавшаяся экономическая "Гехолуц" и спортивная "Маккаби". В отдельных городах, местечках и колониях на Украине существовало по три, четыре и даже пять организаций. Главная их цель была одна - всемерно способствовать развитию национального самосознания и иммиграции евреев в Палестину.

[начало](#)

7. ОБСУЖДЕНИЕ АРМЯНСКОГО И ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСОВ НА КОНФЕРЕНЦИЯХ В ЛОНДОНЕ, ВЕРСАЛЕ И САН-РЕМО

Вопросы расчленения Турецкой империи обсуждались на межсоюзнической конференции, созванной в октябре 1918 г. в Лондоне для того, чтобы согласовать некоторые наиболее важные, принципиальные вопросы по подготовке к мирной конференции. Присутствовали: от Великобритании — Ллойд Джордж, Лорд Керзон и Бальфур, от Франции - Клемансо, Фош и Вейган, от США — Вильсон и Хауз. Конференция на

Даунинг-стрит решала судьбу послевоенной Германии и Турции. Когда начались прения о судьбе Константинополя, то ни один из присутствующих "не предлагал вернуть древнюю столицу Византийской империи туркам".

Большое внимание было уделено армянскому и еврейскому вопросам. Вопрос о создании государства Великой Армении, утверждал лорд Керзон, связан с другой проблемой - созданием еврейского национального очага в Палестине, и предлагал, чтобы Верховный совет рассмотрел "различные будущие возможности, Прежде всего, возможно широкое панмусульманское или пантуранское движение, и поэтому Лондонская конференция считала желательным в интересах всеобщего мира вбить клин между мусульманами Турции и мусульманами других восточных стран: таким клином была бы христианская община в форме нового армянского государства". [Ллойд Джордж. Указ, соч., с. 427.] Другим клином, вбитым между Африкой и мусульманами Ближнего Востока, стал бы еврейский национальный очаг в Палестине.

При этом лидеры Антанты считали, что "исторически армянская проблема сходна с сионистской проблемой. Сионисты не обосновывали свои притязания численностью еврейского населения в Палестине". Так, в Палестине на долю евреев приходилось лишь 10 процентов населения, всего 65300 человек, тогда как магометан было 515 тысяч, христиан 62 тысячи. Кроме этого, насчитывалось 150 самаритян и 4900 лиц других национальностей. [Проф. В.Э. Ден. Новая Европа. Петроград. 1922, с. 72.] К тому же "некоторые заверения, данные армянам, являлись, по существу, обязательствами". Исходя из этого, лорд Керзон и Мильеран предлагали включить в состав Армении Эрзерум, а Ллойд Джордж и Нитти выступали против. Сторонники Керзона считали, что до войны в районе Эрзерума насчитывалось 360 тысяч турок и 160 тысяч армян и что "когда-то здесь была великая, широко раскинувшаяся Армения", что нахождение города "в руках турок делает невозможным существование независимой Армении.

С учетом всех этих обстоятельств союзники включили в состав планируемого ими государства Великой Армении город Эрзерум и предусмотрели выход в Средиземное море через Армянскую Киликию.

Британская империя, как наиболее опытная колониальная держава, лучше всех предвидела дальнейший ход событий. С одной стороны, она выступала инициатором создания государства Великой Армении, чтобы приковать Армению к колеснице Запада, а с другой, не желая, по словам Ллойд Джорджа, "впрягаться в

чужие сани", зондировала почву для передачи "заботы" о новом государстве другой державе, и прежде всего США. Если после Мудросса и до первой половины 1919 г, сама она хотела овладеть Арменией, то со второй половины 1919 г. окончательно отказалась от этой идеи и вывела свои войска из Армении.

Ллойд Джордж говорил, что Англия не может выделять средства для содержания британского гарнизона в Армении, но она тратила миллионы на эти цели в Палестине. По утверждению сиониста Эдера, Англия истратила в одном только 1922 году 2 млн 24 тыс. фунтов стерлингов на британский гарнизон и жандармерию в Палестине. К этому периоду сионисты запланировали переселить туда 5 из 13 миллионов евреев мира. [Анналы. 1923, N 3, с. 49.]

На Лондонской конференции лидеры держав Согласия заслушали как армянских, так и еврейских деятелей. Вильсон 19 февраля принял Дурьяна, Акопяна, а 18 апреля — Погоса Нубара и Аветиса Агароняна. Они были приняты также руководителями Англии, Франции, Италии.

Позицию армян на конференции изложили Погос Нубар и Аветис Агаронян, а позицию сионистов П. Соколов. 27 февраля 1919 г. он зачитал выдержки из разосланного им предварительно меморандума: "Сионистская организация почтительно предлагает на рассмотрение Мирной конференции следующий проект резолюции:

Высокие договаривающиеся стороны признают историческое право еврейского народа на Палестину и право евреев создать в Палестине свой национальный очаг".

Выступивший с речью д-р Вейцман сказал, что сионисты желают установить в Палестине под мандатом великой державы такую администрацию — необязательно еврейскую, — которая дала бы возможность переселять в Палестину тысячи евреев. Они хотели бы сказать своим собратям на Украине, в Польше и других частях Восточной Европы, что для тех в Палестине "открываются многообещающие перспективы".

После долгих дискуссий британский мандат на Палестину был наконец сформулирован.

В целях осуществления политической статьи 22 Устава Лиги Наций Совет Лиги Наций, принимая во внимание,

что главные державы пришли к согласию по данному вопросу, решает передать избранному названными державами мандаторию управление территорией, принадлежащей прежде Турецкой империи, а пределах тех границ, которые могут быть ими установлены. [Ллойд Джордж. Указ, соч., с. 314-315, 342.] Соглашение включало в себя 28 статей.

С 12 января 1919 г. по 21 января 1920 г. в Версале победители подводили итоги своей победы. Чтобы облегчить решение проблемы, Межсоюзнический Верховный совет был заменен Советом десяти, а затем Советом четырех — Англия, США, Франция и Италия. Вот эти державы решали судьбу Германии и Турции.

Возглавляя американскую делегацию на Парижской мирной конференции, президент Вудро Вильсон выступил с предложением о создании Лиги Наций, передаче в ее распоряжение бывших колониальных владений побежденных стран (немецких и турецких) для использования всеми державами на "равных основаниях". Было принято компромиссное решение: передать германские колонии и турецкие владения в распоряжение Лиги Наций с тем, однако, что она передаст их "передовым нациям" а качестве мандатных территорий (т.е. земель, право на временное владение которыми установлено мандатом Лиги).

Так, Франция получала Сирию, Англия — Палестину. Другие арабские страны были объявлены независимыми государствами. Президент США Вудро Вильсон стремился взять мандат на Армению. Греция при поддержке Англии претендовала на свою древнюю столицу Константинополь, на Смирну и ряд других земель. Вопросы об Армении и еврейском национальном очаге подлежали дальнейшему рассмотрению на конференции в Сан-Ремо.

Итак, лидеры Антанты, переделывая карту мира, в одном случае заложили основу израильского государства на Ближнем Востоке, в другом — создали государство Великой Армении, но только на бумаге, бросив его на произвол судьбы. В выработанном ими мирном договоре с Турцией Армения, как выразился один европейский дипломат, фигурировала в качестве "вопросительного знака". Никто не хотел "впрягаться в чужие сани" и брать ее под свою опеку и защиту от агрессии со стороны Кемаля и Ленина.

В апреле 1920 г. союзники вновь собрались, на этот раз в Сан-Ремо, на конференцию. Ллойд Джордж говорил "о дезертирстве" Америки — сенат отклонил просьбу своего президента взять мандат на Армению.

Но первым "дезертиром", разумеется, был сам Ллойд Джордж, а затем уже другие. Сенат США определил, что для защиты Армении от объединенных сил Турции и советской России потребуются десятки тысяч американских солдат, на что Сенат не пошел. По этой же причине Англия вывела свои войска из Закавказья. По этой же причине ни одна держава Антанты не взяла на себя роль защитника Армении. Они, с одной стороны, давали понять представителям Армении, присутствовавшим на конференции, что союзники не могут выделить для обороны Армении ни одного солдата, с другой — продолжали обсуждать план создания государства. На сей раз разгорелась дискуссия о том, включать или нет в его состав город Эрзерум.

На одном из заседаний выступил Погос Нубар-паша, на следующий день - А. Агаронян. Они не требовали от союзников заключения соглашения по принципу "высоких договаривающихся сторон", как сионисты, не требовали также правоохраняемого убежища и военной помощи. Они просили только вооружения, боеприпасов, обмундирования в надежде, что смогут сами освободить Эрзерум и оборонять страну, которая находилась во враждебном регионе и была оторвана от своих союзников. Положение сионистов было совершенно другим. Они имели Бальфурскую декларацию. Верховным советом союзных держав 25 апреля 1920 г. в Сан-Ремо было решено представить мандат на Палестину Великобритании с целью выполнения задач Бальфурской декларации. Вот текст этого постановления:

"Во исполнение решений § 22 соглашения Лиги народов, управление Палестиной поручается также Мандатору. Выбор мандатора и установление границ Палестины будут определены главными союзными державами. Заявление, сделанное первоначально 8 ноября 1917 года британским правительством и принятое другими союзными правительствами относительно создания в Палестине национального очага евреев, - утверждено. Специальной комиссии с председателем, назначенным Лигой народов, будет поручено изучить и урегулировать все вопросы и все требования со стороны различных религиозных общин в Палестине. Условия мандатов будут установлены главными союзными державами и вынесены на утверждение Совета Лиги народов". ["Слово", 1 июня 1920 г.]

Что касается Армении, то Совет не мог не считаться с одним обстоятельством. Дело в том, что Антанта вела войну под лозунгом "освобождения малых народов". И в этой игре армянская карта была козырная, рассчитанная на создание благоприятного общественного мнения в Европе и Америке. Конференция в Сан-

Ремо решила вопрос в политическом плане, признав, что к Армении должны быть присоединены этнографически армянские районы вилайетов Эрзерум, Трапезунд, Ван и Битлис. Вместе с тем совет обратился к президенту США с просьбой установить границу подлежащих передаче частей четырех вилайетов. Совет постановил также интернационализировать Батумский порт и сделать его общим морским выходом для Армении, Азербайджана и Грузии.

Постановление о переходе указанной части территории к Армении вошло в Севрский мирный договор с Турцией, причем ее правительство изъявило согласие на признание любого решения президента Вильсона.

Однако Совет не подкрепил свое постановление международно-правовыми нормами, которые могли бы обеспечить его выполнение. Армянский вопрос, в отличие от еврейского, остался висеть в воздухе, как большой вопросительный знак. И все еще ждет своего решения.

[начало](#)